

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ТРОФЕЙ
ОБЪЯВЛЕННОЙ
ОХОТЫ

Русский фантастический боевик

Алекс Орлов

Трофей объявленной охоты

«Автор»

2022

Орлов А.

Трофей объявленной охоты / А. Орлов — «Автор»,
2022 — (Русский фантастический боевик)

Марк Головин — теперь звезда курьерской службы элитного фастфуда. О нем мечтают девушки, у него персональный шофер, его банковский счет растет, как на дрожжах. Однако, старые приключения начинают его настигать и жизнь Марка становится невыносимой. Он проходит через ряд похищений, получает помощь неожиданных союзников и бежит с планеты на планету. Его преследует полиция, многим он кажется подозрительным и где бы он не прятался - даже в океане, его повсюду находят эмиссары могущественных сил, космические флоты которых сцепляются в битвах за важный трофей — человека побывавшего на станции.

© Орлов А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	16
6	19
7	21
8	23
9	24
10	28
11	31
12	33
13	38
14	40
15	42
16	44
17	48
18	51
19	53
20	58
21	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Алекс Орлов

Трофей объявленной охоты

Головин изловчился и извиваясь на полу, как червяк, сумел лечь поперек лифтовой двери. Моника в ярости рванула «паутину», что было сил и та не выдержала. У Головина высвободилась правая рука и он мгновенно выхватил из под подола похитительницы ее собственный пистолет.

Направив его на Моника он попытался выстрелить, однако та проигнорировала опасность и за руку втащила его в кабину.

Створки закрылись и лифт поехал вниз.

– А ты молодец, – хрипло обронила она, забирая пистолет и возвращая его под юбку. – Только это оружие с личной активацией. Оно работает лишь в руке хозяина.

Кабина остановилась, створки разошлись и Моника с прежней решимостью поволокла Головина через холл, где уже дрались уцелевший капитан Лидс и двое каких-то громил.

1

Длинна коридоров в «Шинкаренко фудс» напомнила Головину о космической станции, на которой он гостил вопреки своей воле.

– Идите по галерее «2В» и вы не промахнетесь! – с энтузиазмом сообщила женщина из отдела кадров, которая пару дней назад отказал ему в месте, сославшись на его акцент. А теперь, за этот же акцент его взяли на работу.

Наконец, Головин нашел нужную ему дверь с табличкой на которой было написано – начальник службы безопасности Тичер М. Холидей. Головин робко постучал, он еще помнил строгого начбеца Феликса с которым приходилось работать у криминального босса.

– Заходите! – послышалось из кабинета и толкнув дверь он оказался в просторной, скромно обставленной комнате.

Из мебели имелись лишь пара рабочих столов, несколько шкафов и небольшая серверная стойка в которой, видимо и хранились все секреты службы безопасности компании.

– Марк Головин? – спросил сидевший за столом широкоплечий мужчина лет тридцати пяти со слегка не симметричным лицом. Головину сразу подумалось, что это бывший военный, который, наверное, был когда-то ранен.

– Так точно, – кивнул Головин.

– Присаживайтесь, – сказал Холидей, пристально глядя на гостя и на то, как тот двигался садясь на стул и устраивался на нем.

– Спасибо, – поблагодарил Головин, чувствуя, как стул под ними меняет конфигурацию, едва слышно подвывая исполнительными механизмами.

– В вашем случае у меня сложная задача, Марк Головин, руководство настаивает на скорейшем приеме вас на работу, а я должен иметь время на проверку каждого работника компании. Понимаете меня?

– Да, сэр, понимаю, – кивнул Головин.

– Но я ничего о вас не знаю. В наших архивах, которые распространяются на всю каденцию «альфа-северо-восток» о вас нет никакой информации. Вероятно потому, что вы прибыли издалека.

– Да, я прибыл с Манговезии, сэр.

– Манговезия, это... Бетта-юг-запад?

– Нет, это другой уровень каденций. Тут у вас линейная карта каденций, а уже начиная с измерительного вектора «омега», карта складывается в полярную систему координат, – с готовностью пояснил Головин и даже сам слегка удивился, что до сих пор много чего помнил из множества пройденных им дисциплин.

– А ты, значит, в навигации разбираешься? – слегка озадаченно спросил Холидей.

– Совсем немного. Не доучился.

– А почему не доучился?

Головин вздохнул, понимая, что пора признаться в чем-то не очень опасном.

– Я пытался сэкономить на обувной лицензии. Купил поддельную, но меня и прихватили. А в экономической зоне с этим строго, пришлось бежать.

– Обувная лицензия? – недоверчиво переспросил Холидей, чуть сморщившись от чего его лицо стало выглядеть еще более несимметричным. – Такое разве бывает?

– Да, сэр. И еще на верхнюю одежду. Но там копеечная была, а вот на обувь – дорогая.

– А сюда как попал?

Головин вздохнул.

– Сэр, это очень длинная история из нескольких этапов. Вы действительно обязаны ее выслушать или вам будет достаточно проверки каких-то архивов? Ну, тех, в которые заносят объявленных в розыск преступников.

– Рассказы твои мне без надобности, тем более, что наплести ты можешь что угодно и проверять тебя все равно придется по этим архивам, – произнес начальник службы и вздохнул. Головин в ответ только пожал плечами.

– Ладно, говори каденцию своей Манговезии, будем разбираться.

Головин продиктовал дважды, потому что с одного раза запомнить длинный перечень координат Холидей не смог.

После этого Головин получил от службы безопасности «добро» и направился обратно в отдел кадров, откуда его перенаправили в отдел маркетинговой стратегии.

Головину эти названия ни о чем не говорили, тем более, что по результату всех хождений, он оказался в каком-то подвальном швейном цеху, где гудящий в углу раскроечный аппарат, готовил стопки заготовок, которые затем вручную переносились единственным работником в швейные манипуляторы.

Начальник у работника был всего один – лысоватый мужчина лет сорока. Головин полагал, что ему снова придется рассказывать кто он, но едва увидев гостя, лысоватый кивнул и подойдя к вращающейся вешалке снял с плечиков готовый костюм.

– Это будет ваш рабочий комплект. Первый, – сказал он. – Через пару дней изготовим еще два комплекта, а потом еще.

– А почему так много? – спросил Головин, с удивлением рассматривая комплект, сшитый из светло синей ткани «с искрой».

– Потому, что работники доставки должны выглядеть безупречно, как поп-звезды.

– Ой, а почему жилет и рубашка пришиты к пиджаку?

– Да, пришиты, а пиджак к брюкам, – добавил руководитель цеха.

– Но как же это надевать в таком виде?

– А очень просто, там – сзади имеется магнитная «молния». Расстегиваешь ее и залезаешь внутрь.

– Это, как комбинезон, что ли? – продолжал недоумевать Головин, и так и эдак вертя непонятную обновку.

– Ну, типа того.

– Но мне кажется это как-то странно. Застежка сзади...

– Дорогой мой, это делается по стандартам шоу-бизнеса, думаете почему те красавцы на сцене в перерывах между номерами ухитряются выскочить в другом костюме?

– Потому, что у них такие костюмы?

– Да, все на клипсах. Пять секунд и новый прикид.

– А мне-то зачем за пять секунд переодеваться?

– За пять секунду не нужно, а вот за пять минут бывает очень даже необходимо, потому что выезды случаются часто, и в выходные дни и на праздники. Приехал, снял комплект, надел новый и снова в порядке.

– Это что же – на каждый выезд новый комплект?

– В жаркую погоду – обязательно. Это же «стрит-фуд» самой высокой категории. Люди за пару бутербродов или кофейный сплит такие деньги вываливают, что обмануть их ожидания мы просто не можем.

– Ну, кажется я начинаю что-то понимать, – сказал Головин уже несколько иначе глядя на казавшийся прежде странным комплект.

– Я могу его примерить?

– Конечно. Но в этом нет необходимости. Если размерные съемки делает Крейсман можно не сомневаться – комплект подойдет идеально.

2

Доставочная капсула стремительно неслась по скоростной выделенной полосе, оставляя далеко позади семейные седаны и авто в стиле «поло». Головину все было в новинку и он с интересом смотрел сквозь прозрачные стенки, которые, пока он был в пути, снаружи оставались светонепроницаемыми.

Деревья, деревья, деревья. Они все еще вызывали восхищение и интерес у Марка, выросшего на планете с искусственными гидропонической культурой всего растительного мира.

Если бы не месторождения дефицитных ископаемых, никто бы на Канспее этой гидропоникой не занимался, и она так бы и осталась больше похожей на военный полигон. Однако криптоген, содержащийся в ее почвах был одним из главных предметов добычи, а отвалами этой переработки становился очищенный грунт, пригодный для разведения привычных на других планетах растений.

Сначала для обустройства городков геологов и горнорабочих, а потом и в промышленных масштабах.

Там где заканчивался криптоген, заводы закрывались, а на грудах отработанного грунта, начинали прорастать слабые ростки, едва справлявшиеся с обеспечением фотосинтеза.

Еще учась в школе, Головин пару раз был на лесных плантациях, но и там школьников оставляли за забором, чтобы никто не мог занести на территорию плантаций криптогеновых бактерий.

Потом Головин видел деревья работая у мистера Кейвена, однако там он постоянно был в таком напряжении, что деревья за высоким забором усадьбы, казались какими-то нереальными.

А здесь – совсем другое дело. В капсуле Головин находился совершенно один и его ничто не стесняло, кроме разве этого замка на спине. Похоже кто-то из персонала схалтурил и в этой паре Головин чувствовал себя не слишком комфортно.

А еще эта Рита – холодная красотка, оглядев его перед выездом, одетого в костюм, сморщила нос и сказала, что прическа у него ублюдская.

– Он выглядит так, будто стригся за двадцать квадров, – заметила она. – С этим нужно что-то делать.

Однако жеманный Аскольд, тот который на каблуках, напротив, сказал, что так даже лучше.

– Рита, диссонансные нотки его чмошной прически и безупречного костюма, лишь добавляют ему привлекательности. В конце концов, он же иностранец – варвар из Дантари. А уж когда произнесет традиционное – «буоэнети монтифада», заказчики просто отпадут.

– Ну, не знаю, – неуверенно произнесла тогда Рита, время от времени шупая плечи Марка, то ли проверяя его мышцы, то ли накладки пиджака. – Рамирес, по сравнению с ним, выглядит идеальной моделью.

– Рамирес – да, он безупречен. И Раф, и Лапидас – да впрочем все доставщики это состоявшиеся профессионалы. Но он новичок и в этом его преимущество.

– Ну, ты еще поучи меня маркетингу! – резко оборвала его тогда Рита. – Ладно, в конце концов нам нужно обновляться. А этого... Этого мы направим к Профессору. Сегодня пятница и он обязательно сделает заказ. А то в течении прошлой недели он замучил службу отзывов непонятными жалобами.

И вот теперь Головин ехал к этому самому Профессору, который, как он успел узнать, был одним из самых важных клиентов, делал постоянные заказы и не заморачивался ежедневной оплатой.

Вместо этого он покупал полугодовой абонемент, стоивший немалых денег, но Профессор был очень богат и вопрос стоимости его совершенно не беспокоил.

Наконец, устав от праздного наблюдения, Головин решил посмотреть на навигатор, определявший, как далеко ему еще ехать. Оказалось, что уже через пару минут предстояло свернуть на частную дорогу, которая должна была привести его к дому важного клиента.

Почти не сбрасывая скорости, лакированная капсула вписалась в правый поворот и Головину пришлось хвататься за поручни, чтобы не завалиться на стену.

Шум транспортного потока остался позади и теперь капсула мягко катила по безупречному покрытию из какого-то особого эластичного состава.

Обочины были аккуратно подстрижены и засажены культурными растениями, плодовыми или изысканными – декоративными.

Озаботились хозяева дороги и населением своих владений представителями дикой природы. По веткам прыгали пушистые зверушки, взмахивали крыльями птицы, дотягиваясь огромными клювами до разноцветных плодов, а под деревьями, то и дело, мелькали неизвестные животные с длинными пушистыми хвостами.

И все это производило на Головина должное впечатление – от восторга он даже открыл рот, но слегка поостыв, подумал, что скорее всего это роботы.

Пожив немного в усадьбе мистера Кейвена, где царил вечное лето, в то время, как за забором буйствовали метели и трещали от мороза деревья, он понимал, что при наличии средств, можно выстроить какие хочешь натуралистические оформления, ведь и у того же Кейвена в усадьбе по кустам прыгали птицы-роботы, а цветы опылялись роботами имитирующими насекомых.

Но здесь, конечно, был другой уровень. И совсем другие деньги.

Не успел Головин так подумать, как совсем рядом, из под дерева – вверх, метнулась змея, сверкнув на солнце бронзовой кожей и вцепившись в пеструю птицу, которая отчаянно забила крыльями, падая вместе с хищницей и теряя разноцветные перья.

3

К большому дому Головин прибыл под впечатлением от этой сцены. Капсула сделала разворот перед ажурными воротами и остановилась в ожидании выхода прислуги.

По крайней мере, так значилось в навигационном планшете: траектория движения, точка остановки. Приветственная фраза на несуществующем языке и возвращение на базу.

В ожидании прислуги, Головин принялся разминать лицевые мышцы, произнося все известные ему поговорки. Однако, минута сменяла минуту, но никто не появлялся. Он уже был готов связаться с базой с помощью передатчика, что следовало делать лишь в самом крайнем случае, как вдруг, рядом с капсулой появилась девушка лет семнадцати.

Очень милая, в легком платьице и с широко распахнутыми серыми глазами.

При ее появлении, автоматическая система тотчас сделала стекло капсулы прозрачным, дверь кабины откатилась в сторону и набежавший ветерок растрепал уложенную в компании прическу Головина за двадцать квадратов, хотя Марк отдал за нее всего пять.

– Просто улыбайся, а когда прислуга или кто-то из хозяев, подойдут достаточно близко, на панели загорится сигнальная лампочка, после чего ты и произнесешь заготовленную фразу. Надеюсь не забыл какую? – наставляла его Рита.

– Буоэнети мантифада.

– Молодец.

– А если меня будут о чем-то спрашивать?

– Ничего не отвечай. Ты иностранец и точка. Только улыбайся и повторяй заученную фразу. Заказ из камеры подается автоматически, так что просто улыбайся. Им надоест и они тебя отпустят.

Юная особа подошла достаточно близко, на панели зажегся сигнал и Головин уже набрал воздуха, чтобы выпалить стандартное приветствие, как девушка вдруг сказала:

– Здравствуйте!

Она произнесла это так непосредственно и искренне, таким чистым звонким голосом, что Головин, умилившись, ответил:

– Здрасьте... Ой, это самое! Буоэнети мантифада!

Девушка засмеялась, а затем сказала неизвестно кому:

– Георг, у них сегодня новичок! Такой забавный!

– Пусть зайдет, я с ним познакомлюсь, – ответил Георг и Марк завертел головой – голос звучал совсем рядом, но до ближайшего строения было метров сорок.

– Кто здесь? – спросил Головин.

– А он правда забавный, тащи его сюда, Аня.

Головин не знал, что и думать. Из камеры капсулы выехал поднос с заказом и девушка взяла запаянный в позолоченную пленку пакет.

– Идем, – сказала она. – Ты же слышал – Георг хочет тебя видеть.

– Но я не могу! У меня инструкции! – развел руками Головин, разом нарушая все инструкции.

– Не бойся, свалишь все нарушения на Профессора, они его, ужас как боятся, и считают чокнутым богачом! – сообщила Аня и снова засмеялась.

Головин раздумывал недолго – такой милой и красивой девушки хотелось подчиниться. К тому же, он сам слышал про странного профессора, так что все оправдания у него были в комплекте.

– А моя капсула – она не уедет? – спросил он уже становясь на мраморную крошку.

– Нет, без ведома Георга ни один механизм здесь не тронется с места. Идем же, возьми пакет, а то он тяжелый...

Головину ничего не оставалось, как подскочить в девушке и подхватить пакет с заказом, который она уже выпустила из рук.

Он не видел, откуда она к нему выходила, но теперь перед ними открылись кованые парадные ворота. Их массивные стальные прутья изображали сцены охоты на каких-то неведомых животных, какими-то, столь же незнакомыми Головину существами, отдаленно напоминавшими людей.

Он переложил пакет в другую руку и вздохнул, невольно вспоминая штурм станции, на которой нашел пристанище и бегство с нее. Там его преследовали существа, похожие на «охотников» со створок ворот.

– Ты давно в городе? – не оборачиваясь спросила Анна.

– Недавно, – ответил Головин, осторожно ступая по скрипучей мраморной крошке, которой здесь было засеяно всё – даже отмеченные бордюрным камнем границы, в которые, прямо таки напрашивалась газонная трава или ее синтетическая версия.

Вблизи, дом выглядел еще более значительным, чем с разворотного круга. Четыре этажа вздымались так высоко, что Головину пришлось запрокинуть голову, чтобы разглядеть оплётку рамы самого верхнего окна.

Следуя за Анной, он невольно подавил в себе желание полюбоваться ее ногами, когда девушка поднималась по ступеням крыльца.

Анна коснулась ладошкой массивной двери, имитирующей массив из резной кости санбамита и они прошли в просторную галерею, где было прохладно и Головин невольно поежился.

– Это необходимо для охлаждения серверного зала, – пояснила девушка угадывая мысли гостя. – На лестнице станет теплее, идем быстрее.

И снова Головин поймал себя на том, что не отводит взгляда от мелькающих перед ним точеных икр и подколенных ямочек на ногах Анны.

И еще – он жадно ловил запах ее духов, едва уловимых и, наверное, очень дорогих. Ведь ее... дедушка? Был очень богат.

4

Головин так увлекся Анной, что забыл про неудобный трехслойный костюм с жесткой молнией на спине.

Они миновали холодную галерею и вышли в цокольный этаж с лестницей из материала под натуральное дерево и полированными перилами.

На стенах вдоль лестниц висели картины с настолько фантастичными пейзажами, что непонятно было, являлось ли это отражением реальности или продуктом буйной фантазией неизвестного художника.

Очень некстати Головин вспомнил, что сегодня он первый день на работе и похоже ему придется оправдываться за опоздание.

– Нам сюда! – сказала Анна, дернув Головина за рукав и выводя его из задумчивости.

– А нельзя ли мне обратно, мисс? Боюсь мои работодатели...

Договорить он не успел, Анна толкнула его в просторное ярко освещенное помещение, однако вопреки ожиданиям, Головин не увидел здесь тех высоких стрельчатых окон, которые так выигрышно смотрелись на фасаде дома снаружи. Тут все освещалось потолочными светильникам.

– А вот и гость! – произнес седой суховатый мужчина, поднимаясь из-за большого рабочего стола, заставленного терминалами и еще какими-то приборами и органайзерами.

По всему было видно, что человек занимается делом, а не проводит время в праздности.

– Анна, ты можешь быть свободна, – сказал мужчина и только тут, когда хозяин дома подошел ближе, Головин заметил, что профессору немало лет.

Анна безропотно удалилась, Головин даже не заметил как. А Профессор протянул руку для рукопожатия и сказал:

– Георг Мансон, местные называют меня – Профессор. Хотя я никогда не преподавал.

– А я – Марк Головин, – представился Марк, чувствуя крепкое рукопожатие жилистой ладони.

– Что, Марк, у вашей компании закончились целлулоидные мальчики-красавчики?

– Не знаю, сэр. Про других доставщиков я только слышал и еще ни разу не видел, ведь сегодня мой первый рабочий день.

– Проходи, садись. Поболтаем немного. Надеюсь, ты не против?

– Я не против, сэр, – сказал Головин усаживаясь в удобное кресло и чувствуя, как в спину врезаются еще не разношенные кромки замка. – Я не против, но мои работодатели...

– Об этом не беспокойся, – махнул рукой Профессор садясь в кресло напротив. – Они меня побаиваются и ценят. Поэтому просто скажешь, что был вынужден терпеть навязчивое гостеприимство странного старикана – они поймут. А я им, за это, устрою трое суток отдыха без единой жалобы.

– Спасибо, сэр.

– Да ладно, это тебе спасибо за то, что разнообразил мой быт. Я ведь этот мусор у них уже двадцать лет покупаю, хотя могу содержать целый штат поваров.

– И почему не содержите?

– Привык, – ответил Профессор пожав плечами. – Я студентом на уличной еде сидел, да еще подрабатывал в этой системе и нам иногда давали пакеты с отказными заказами. Ну, не выбрасывать же? Жизнь студента скромна в материальном плане.

– Это да, – улыбнувшись согласился Головин.

– А ты учился?

– Учился да не доучился. В навигаторской школе.

– А почему не доучился? Это где, у нас в городе? Хотя – нет, произношение у тебя не здешнее. Я, кстати, и сам, когда переехал сюда, при произношении «рот разевал», как говорят местные. Но теперь и я так говорю, а приезжие сразу бросаются в глаза. Так почему ты не доучился, Марк Головин?

– Были проблемы с полицией, – признался Головин.

– Наркотики? Употреблял стимуляторы для сдачи экзаменов? – уточнил Профессор и Головин понял, что не они первые изобрели этот способ преодоления рубежных контролей.

– Нет, сэр. Сделал фальшивую лицензию на обувь...

На лице профессора отразилась высшая степень непонимания.

– Что, прости? – переспросил он.

– У нас в экономической зоне следовало покупать лицензии на программное сопровождение обуви и верхней одежды. На куртки лицензии были копеечные, а вот на обувь – это да, приходилось выкручиваться.

– Знаешь, приятель, я за свою длинную жизнь повидал немало, но чтобы лицензию на обувь... – Профессор покачал головой.

– А вы сами чем занимаетесь, сэр? У вас большой дом – прямо дворец, но вы явно не банкир и не биржевик.

– А еще такими доходами располагают казнокрады и наркобароны, – подсказал Профессор и рассмеялся своей шутке. Головин деликатно улыбнулся.

– Я, дорогой Марк, занимаюсь темой подавления активности функциональных паразитов, другими словами – омоложением.

– И... как, есть успехи? – осторожно поинтересовался Головин, но тут же понял, что сморозил глупость, ведь вся демонстрация богатства Профессора и есть подтверждение его результатов.

Головин вскочил с кресла, мучительно подбирая слова для извинений.

– Да сядь ты уже, – отмахнулся Профессор. – Я понял твой вопрос и это главное. Ты спросил не про мои дворцы, а про суть – физический смысл метода.

– Э... Ну, да... – согласился Головин после некоторой паузы. Ему действительно хотелось узнать, в чем именно преуспел Профессор.

– Давным давно, еще студентом факультета теплофизики, я занимался нестандартизованными излучениями. Выяснилось, что некоторые спектры производят омолаживающий эффект на математических моделях лабораторных животных. Я разработал эту тему шире, потом проверил все на живых объектах и предположения подтвердились. В турборежиме обменных процессов, которые запускались, чтобы имитировать прожитые годы, был замечен эффект не старения. Тему признали перспективной, дали ресурсы и мы выделили волновые спектры точнее. Эти уточненные спектры стали не только тормозить старение, но и направлять процесс в обратную сторону.

– Круто! – не удержался от восклицания Головин. – И так вы стали богатым?

– Да, так я стал богатым. Но сначала были сорок лет работы и временами казалось, что все зря. Ведь эти эксперименты на грани понимания, а точнее – на чистой интуиции. Когда интуиция отказывала, мы, бывало, месяцами работали впустую.

– Но, сэр... Не хочу вас обидеть, но...

– Почему я сам не выгляжу молодым? – улыбнулся Профессор. – А на сколько лет я, по твоему, выгляжу?

– Ну, может быть на шестьдесят? – предположил Головин.

– Что ж, неплохой результат. На самом деле – девяносто четыре.

– Действительно неплохой, сэр! Но почему вы на этом остановились? Или это предел вашей технологии?

Перед тем, как ответить, Профессор вздохнул и морщины на его лице сделались заметнее.

– Нет, технология омоложения значительно эффективнее. Вот, полагаю ты обратил внимание на Анну?

– Ну... – Головин почувствовал неловкость. Ему показалось, будто Профессор наверняка знает, как он смотрел на ноги девушки снизу-вверх, когда она поднималась на парадное крыльцо.

– Анна красивая девушка, сэр. На нее любой мужчина засмотрится, – как можно более нейтрально произнес Головин.

– Анна моя супруга.

– Вот как? – не сдержал своего удивления гость.

– Мало того, между нами совсем небольшая возрастная разница. Я был молодым руководителем научного отдела, а она проходила у нас практику.

– И... насколько велика ваша, эта самая... – Головин не смог сформулировать вопрос, ему теперь мешал внутренний суматошный анализ и пересмотр собственных реакций и ощущений.

– Ей восемьдесят семь, – произнес Профессор, сдерживая улыбку. Ему нравилось поражать людей.

– Но...

У Головина пересохло в горле. Ужас какой. Он заглядывался на старуху!

– Но почему Анна выглядит так молодо, а вы, сэр, остановились на этой ступени, в шестьдесят лет? – спросил он, чтобы скрыть свое отчаянное смущение.

– Потому, что у этого метода есть обратная сторона.

– Какая?

– Анна, когда мы познакомились, имела почти все кубки математических олимпиад. Плюс – работала в отделе практически первым номером, как инженер-разработчик. И это студентка второго курса.

– А теперь? – начал догадываться Головин.

– Когда была выявлена эта побочная реакция на действие программного импланта, который вшивают в позвоночник, пришлось время для себя решать, что важнее. Я выбрал свой прежний мир, хотя конечно, немного себя подрихтовал. А вот Анна сказала, что уже побыла математическим гением и хочет побыть просто женщиной. Молодой, красивой и не слишком умной.

Головин кивнул. Сейчас Анна на математического гения не тянула.

– А в чем же дело? Откуда это побочное действие?

– Видишь ли, я ведь говорил, что мы в этой тематике в основном опирались на интуитивные решения. Что-то мы еще в этом механизме не понимаем. И может быть не пойдем никогда.

– Но ваше богатство, сэр, оно ведь откуда-то взялось? Это же не от выпуска умных книг образовалось?

Профессор засмеялся.

– Да, тут ты прав. Хотя за моими трудами издатели стоят в очереди. Но ты прав, деньги приносит коммерция – оказание услуг по омоложению. А это дорогое удовольствие.

– Но, сэр, вы ведь сообщаете вашим клиентам о возможных побочных явлениях?

– Ну, разумеется. Мои юристы выстраивают целый оборонительный вал из толстых стопок договорных ограничений.

– И что клиенты? Они идут на то, чтобы стать на двадцать лет моложе, но потерять свой интеллектуальный потенциал?

– Я, наверное, удивлю тебя, Марк, но коммерческие люди теряют не так уж и много. Они не математические гении, они люди-калькуляторы. И даже пройдя курс «30 плюс», и становясь цветущими молодыми людьми, они продолжают руководить своим бизнесом. В крайнем слу-

чае, добавляют к штату пару консультантов. Так что, на коммерческий талант это не влияет. А вот какомунибудь литературному критику такая программа нанесет удар. И он будет оставшимся не у дел молодым красавцем.

– А если он был в своей молодости не особенно красив? Если одноклассники называли его прыщавым чмом, например?

– Ты ставишь жесткие условия, Марк.

– Извините, сэр.

– Не извиняйся. Мне нравится твоя пытливая манера. В силу коммерческой необходимости, чаще всего мне приходится беседовать с журналистами, увы. Так вот что я тебе скажу. В программе есть специальные настройки, благодаря которым мы, возвращая человека обратно по его возрастной лестнице, можем подавлять не только его очевидные развившиеся болезни и пороки, но и некоторые несовершенства.

– Кривые ноги?

– Да, представь себе. Кривые ноги, форма черепа, неправильный прикус, форма ушей. Разумеется существуют какие-то пределы, но мы в состоянии значительно изменить внешность клиента отправляя его в молодость.

– Круто! Но наверное, это уже совсем другой прайс?

– О, да, прайс там космический, но мне неизвестно ни одного случая, когда бы этот прайс напугал какого-то клиента. К нам идут уже подготовленные люди.

Головин кивнул, но тут снова вспомнил о том, что он на работе.

– Не переживай, сейчас я решу твою проблему, – сказал Профессор, по выражению лица гостя поняв, что его беспокоит.

Одним касанием дорогого диспекера он вызвал компанию по доставке быстрой еды и его тотчас соединили с управляющим.

– Эдвард, мы тут засиделись за беседой с вашим чудесным курьером, но он очень переживает, что это повлияет на его карьерную историю.

Профессору что-то ответили и он передал диспекер Головину.

Тот несмело взял его и поднеся к уху произнес:

– Але?

– Вы это... Как вас там? Мишель или Принстон?

– Марк, сэр.

– Отлично, Маркс! Оставайтесь с этим клиентом столько, сколько ему потребуется – это очень важно для нас!

– Хорошо, сэр.

– И ни о чем не беспокойтесь, Маркс, каждая минута проведенная с этим клиентом будет нами оплачена, а сверх длительности рабочего дня, по повышенному тарифу, разумеется.

– Спасибо, сэр. Я понял.

5

После того, как Головин успокоился, ведь ему дал гарантии главный менеджер компании, Профессор предложил гостю полюбоваться на его «внутреннюю коллекцию».

– Почему она внутренняя, сэр? – спросил Головин, просто чтобы прогнать беспокойство.

– Потому, что я не выставляю ее напоказ, Марк. Это мое приватное удовольствие, но теперь и твое тоже.

– Мне крайне неловко... – обронил Головин, не желая брать ответственность за чужие секреты. Но кто тут интересовался его мнением? Он был новой игрушкой и следовало лишь радоваться тому, что самый значимый клиент компании выбрал в этом качестве именно его.

Профессор повел гостя во внутренние помещения дворца и проходя их насквозь, раздавал краткие указания многочисленной прислуге и работникам, касалось ли это энергетического цеха, контура системы охлаждения или операторов генераторных блоков с неизвестной Головину спектральной характеристикой.

Он лишь заметил, что от огромных, до потолка, конструкций, расходились восьмипиновые панели, в то время, как стандартное энергообеспечение обходилось пятью пинами.

А Профессор продолжал быстро шагать, вынуждая Головина, временами, переходить на бег.

Совершенно неожиданно, они вышли во внутренний двор. Так поначалу, показалось Головину, слишком уж высокими здесь были потолки.

– Что это!?! – воскликнул он, пораженный ослепительными, уходящими ввысь многоярусными осветительными системами.

– Это зал моей коллекции, – сказал Профессор, однако Головин не сразу понял о чем идет речь, ведь зал был огромен. И лишь чуть позже у дальней стены он заметил слабо различимые объекты. И это были какие-то механизмы.

Поначалу Головин принял их за доставочные комплексы – для него сейчас всё выглядело, как доставочные машины, ведь это была его новая работа от которой зависел его достаток и с которой ему здорово повезло.

Они с Профессором двинулись прямо через поле – большое пространство с естественным грунтом, где-то присыпанным песком, где-то гравием, а в иных местах и крупным щебнем.

Заметив хозяина, ему навстречу от далеких механических объектов направились люди. Головин насчитал их полдюжины.

Один из них, видимо отвечавший за порядок в коллекции встретился с Профессором примерно на середине поля. Остальные остановились на пару десятков метров дальше.

– Привет, Ленц! – первым поздоровался Профессор и Ленц поклонился, не проронив ни слова. Он остановился в трех метрах от хозяина и смотрел на него снизу вверх.

– Здравствуйте, сэр. Очень рад видеть вас на нашем участке... – наконец произнес он каким-то неестественным голосом. Головин предположил, что за него говорил компьютерный модулятор.

– Я пришел посмотреть на стрельбы, ведь мы назначали их на сегодня и именно на это час?

– На сегодня и именно на этот час, – подтвердил Ленц, снова поклонившись.

– Проводи нас до рубежа. Мы с гостем жаждем полюбоваться красотой этого разрушительного процесса. Так ведь, Марк?

Профессор обернулся и Головин проблеял «да», хотя понятия не имел зачем и куда его заманил любимый клиент стритфудной компании.

Все вместе они направились к стоящим у дальней стены объектам и чем ближе к ним подходили, тем очевиднее для Головина становилось, что это шагающие боевые машины.

И когда рядом с ними появлялись механики или кто там за ними приглядывал, можно было понять, что эти машины огромны.

Некоторые в четыре человеческих роста, а другие еще выше.

Глаза Головина засверкали от восхищения. Он уже забыл о неловкости, которую испытывал в гостях у странного Профессора-богача.

– Ну как тебе, Марк? А? – спросил Профессор, заметив интерес гостя.

– Что это, сэр?

– Это моя коллекция, парень! Тут у меня сорок четыре стальных гиганта и еще два десятка восстанавливаются в мастерских!

– Восстанавливаются? – не понял Головин. – Вы что устраиваете между ними бои?

– Бои между ними?

Профессор на мгновение задумался.

– Эта мысль кажется мне интересной, но что бы обо мне не говорили, я на такое варварство пойти не могу. Восстановление в мастерских проходят машины, которые я купил на аукционах не целыми или сильно поврежденными.

– А откуда они берутся? – спросил Головин, вставая рядом с остановившимся Профессором.

Похоже это и была их наблюдательная точка, а шагающие монстры начали выдвигаться на свои позиции, расположенные так, чтобы за ними было удобно наблюдать и хозяину, и гостю.

С противоположной от зрителей стороны, по укрытым в грунте магнитопроводам, стали выкатываться тележки с щитовыми силуэтами шагающих машин, а чуть левее того места, где стояли Профессор и Головин, скрытые проекторы, создали голографический подиум, на который крупно транслировались изображения мишеней.

– Они берутся из разных источников, – начал отвечать профессор. – Чаще всего из раскопок.

– Это очень старые машины?

– По-разному. Вот этот гигант – «грос-пойнтер» применялся пару тысяч лет назад в каких-то старинных войнах.

– Две тысячи? – переспросил пораженный Головин.

– Да, две тысячи. Он самый старый у меня в коллекции, но сейчас в мастерской восстанавливают машину, которая может оказаться впятеро старше.

– Ржавая наверное?

– Ничуть. Но в том конфликт доходило до применения спецоружия, поэтому он получил большую дозу облучения и ему требуется полная перекристаллизация составных частей. Но потом он будет в порядке. Правда, секрет его водородной пушки неизвестен, поэтому поставим, электромагнитную с другого старичка.

Между тем, четыре самых больших шагающих машины уже выстроились напротив мишеней и Головин ожидал, что они начнут стрелять. Но те, видимо, пока еще не были готовы.

– Даже странно, что в древности уже существовали такие продвинутые машины, – произнес Головин.

– Да. И цивилизации также воевали. Правда, сейчас больше по причинам коммерческих разногласий, а когда-то просто по идеологическим.

– Или народы были слишком разные.

– Ты про гибридов?

– А кто это?

– Ну, это не совсем люди. Внешне они похожи на людей, но у них совершенно другие обменные процессы и даже физические принципы существования. Они могут есть такое, что мы считаем безусловным ядом. Некоторые из моих машин принадлежат их цивилизациям.

Вон ту – «синий гигант», это условное название, поскольку настоящего имени мы не знаем, пришлось вырубать из стеклянного массива расплавившегося песка. Представляешь?

– Песок расплавился, а он уцелел?

– Вот! Сразу видно технического человека! – улыбнулся Профессор. – Так вот, его боевая кабина приспособлена под какой-то иной вид прямоходящих существ. Они, как минимум, вдвое выше нас с тобой.

Головин невольно вспомнил о своих приключениях на космической станции и вздохнул.

– Как думаешь, что сейчас будет? – спросил Профессор.

– Вот этот красный ударит вон в ту угловую мишень и она разлетится на три больших куска, – сказал Головин и снова вздохнул. Большое количество впечатлений начинало его утомлять. Здесь было интересно, но как-то слишком много новостей для первого раза.

– А с чего ты взял, что будет именно так? – спросил Профессор не сводя со своего гостя внимательного взгляда.

– Просто предположил, – пожал плечами Головин.

– Ну, ладно, – кивнул Профессор. Потом негромко добавил:

– Начинайте в произвольном режиме.

И эта команда, каким-то образом, была транслирована кому нужно.

В тот же миг сверкнул яркий луч из установки красного робота и пораженная им мишень разлетелась на три крупных фрагмента и какую-то мелочь вроде стружки.

Профессор проследил полет этих больших кусков и снова повернулся к Головину.

– Твои предположения оказались верными, Марк. Тебе часто такое удается?

– Нет, не часто, – ответил тот, заметив, как изменился голос и взгляд Профессора, после подтверждения его предсказания.

Головин понял, что отвлекшись, случайно запустил кубитное видение – оно работало, как-то, вопреки его желаниям.

– Хорошо, Марк, сейчас тебя проводят до твоей капсулы и всего тебе хорошего.

– До свидания, сэр, – сказал Головин и не дожидаясь провожатых направился к выходу из огромного зала.

За его спиной продолжали греметь залпы, у дальней стены с грохотом обрушивались разбитые мишени, но Головин чувствовал, что Профессор продолжает смотреть ему вслед.

И он не ошибся. Профессор сделал, едва заметный жест и от административного поста к нему побежал крепкий мужчина в темно-сером комбинезоне.

Вскоре он оказался возле Профессора.

– Почему не Крейг? – спросил тот, даже не взглянув на подбежавшего.

– Он в оперативном зале, сэр. Пришел сигнал об одном из наших сотрудников.

– Ладно. Передай Крейгу, что этот парень мне интересен. Пусть в городе за ним присмотрят. Я хочу знать, что он делает, когда не работает в компании.

– Я передам, сэр.

6

До выхода за ворота Головина сопровождал какой-то зам управляющего. Или что-то в этом роде, Головин не расслышал, как именно тот представлялся, но за воротами их встретила Анна.

Увидев ее, сопровождающий тотчас ретировался, а Головин растерялся. Прежде, он бы продолжал пялиться на нее, радуясь представившейся возможности, но теперь все было иначе. Теперь Марк знал историю Анны.

– Ну что? Судя по тому, как потускнели твои глаза, красавчик, Георг рассказал тебе достаточно, да?

– Мэм, прошу прощения, мне бы только дойти до капсулы – пора возвращаться, ведь сегодня первый день моей работы.

– А разве Георг не обещал тебе все уладить? – спросила Анна, делая шаг и преграждая Головину дорогу.

– Он... он сказал, что все будет в порядке и даже позвонил им.

– Ну, а чего тогда ты так скис? Не бойся, я не потащу тебе в койку. Желающих и без тебя хватает.

– Мэм, я хотел бы уйти! – начал впадать в отчаяние Головин.

С одной стороны он знал, сколько Анне лет, но эти ее... молодые фокусы. Она вела себя, как дерзкая студентка третьекурсница! А тут вокруг были глаза и уши Профессора и уже по одному его взгляду Головин понял, что старик не такой уж и профессор. Скорее обычный жесткий толстосум, а такие не перед чем не останавливаются для достижения своих целей.

В том числе и цели отмщения.

– Не дергайся, Марк. Вся система аудиокодистики под моим контролем. Георг слышит лишь то, что я разрешаю донести до него.

Головин еще раз огляделся, будто намереваясь рассмотреть в прозрачном воздухе электромагнитные комбинации кодированных пакетов.

– Наверняка он сообщил тебе, что я променяла мозги на красивую фигуру и стройные ножки, так ведь?

Анна чуть склонила голову набок, чтобы заглянуть в глаза Головину, который, напротив, старался смотреть в землю.

– Вижу-вижу, одна и та же песня. Ну ладно, это в моих интересах. Пусть думает так, как думает и я ему с удовольствием подыграю.

– Послушайте, мадам! Зачем вы втягиваете меня в ваши интриги!? – воскликнул Головин, потерявший от страха всякую осторожность. За последние полчаса он узнал столько такого, за половину чего убирают без вопросов.

– Ты предсказал результаты развлекательных стрельб, Марк. Каким образом? – строго спросила Анна и положила ладонь на его грудь, давая понять, что он и с места не сдвинется, пока не ответит на все ее вопросы.

– Да угадал просто! Что, такого не бывает?! – начал выходить из себя Головин и у него промелькнула отчаянная мысль заехать ей по физиономии.

Краткая мысль, быстрая, как молния. И он тотчас прогнал ее, однако Анна, будто что-то почувствовав, сделал шаг назад.

– О чем ты сейчас подумал? – спросила она.

– Я... просто хочу уехать. Отпустите меня, мэм, я ни в чем не виноват и не хочу влезать в ваши отношения с мужем. Ну, давайте я уеду и попрошу, чтобы меня к вам больше не посылали, а?

– Да поезжай, конечно, – ответила Анна неожиданно изменившимся голосом. – Извини, если мы слишком крепко на тебя насели. Провинция. Новых людей видим редко.

Головин с облегчением перевел дух и уже почти забравшись в капсулу, услышал:

– Марк, а что ты знаешь о кубитном видении?

Отвечать он не стал. Сел ровнее и капсула автоматически закрыла колпак, потом включила внутренне затемнение и стартовала с места, стремительно убегая от огромного дворца с его колоннам, башенками и странными обитателями.

Глядя в сторону удаляющейся капсулы, Анна повела плечом, включая связь, но тут за ее спиной прозвучал голос:

– Я уже здесь, мэм, – произнес человек, останавливаясь в шаге позади нее.

– Ты все так же неслышен, Каспер. Поражаюсь твоим способностям.

– Это комплимент или замечание, мэм?

– В лакейском наряде ты выглядишь так нелепо.

– Во исполнение вашего пожелания, мэм. Я, вообще-то, претендовал на роль механика в гараже.

Анна вздохнула. Каспера ей навязали те, кому она не могла отказать и несмотря на безукоризненное выполнение всех ее распоряжений, она иногда чувствовала усмешку в его голосе, а превосходство в его глазах, прямо таки сквозило.

– Слышал, что Георг передал Крейгу?

– Чтобы тот подглядывал за парнем.

– Вот и ты приглядывай. За Крейгом.

– Непременно буду, мэм, – с поклоном произнес Каспер и Анна снова почувствовало это его демонстративное превосходство.

7

Первые две недели работы Головина проходили, как в лихорадке. Он был вынужден делать до десяти выездов за смену, хотя договором предусматривались только пять.

Впрочем, поскольку переработка хорошо оплачивалась, он не возражал, а в конце каждого рабочего дня к нему с цветами и шоколадом приходили Рита или кто-то из ее заместителей и демонстрировали на планшетах поступившие не его счет бонусы и чаевые.

Самая богатая клиентура компании новичка полюбила. Почему – неизвестно. Все требовали доставку только с ним и поскольку новичок не мог удовлетворить все заявки, компания организовала биржевую площадку, где толстосумы сражались за право увидеть возле своих ворот капсулу с Марком Головиным и услышать его авторское: боуэнти мантифада!

Дочки, племянницы, любовницы и молодящиеся дамы, выбегали к воротам лично, вырывая у прислуги коробки с едой, чтобы хоть мимолетно коснуться руки новой популярной единицы «Шинкаренко фудс».

Переехав из отеля на съемную квартиру, Головин вскоре обнаружил, что ему дали скидку. Оказалось, что по городскому телевидению про него прошел новостной сюжет и хозяйка квартиры решила сделать ему подарок – скидку в пять процентов.

Квартира была из среднего уровня и поначалу Головин не знал, потянет ли такую арендную плату, но уже скоро стало ясно, что потянет.

Однажды, уже на третьей неделе работы в интенсивном режиме, Марк, выйдя из душа и с облегчением устроившись в кровати, вдруг обнаружил, что находится в ней не один.

Он закричал от испуга и вскочив, включил свет.

Гостья тоже закричала и прыгнула с кровати, прикрывшись покрывалом.

– Вы кто? – спросил он опуская на столик вазу, которой собирался обороняться.

– Я – Кристи Беллоум! Телезвезда из шоу «Стар-Блинк»! А еще снимаюсь в сериале «Арин».

– А здесь что делаете?

– Ну... все только о вас и говорят... Я хотела познакомиться.

– Как же вы прошли через охрану?

– Взятку дала. К тому же мое лицо известно всем, хватило бы даже автографа.

С этими словами, гостья уронила покрывало, представ в том виде, в каком сидела в засаде.

– Кристи, у меня в семь часов подъем, а в восемь тридцать я в жестком комбинезоне и идиотском гриме должен предстать перед элитными клиентами на первой доставке.

– А у меня в восемь тридцать запись на «Триги-ТиВи». Рассказы о животных. И так до вечера. У меня не нормированный рабочий день.

Головин вздохнул. Он старался не смотреть на Кристи, понимая, что дай он слабину и его завтрашняя смена станет одной из самых трудных. Не исключено, что он перепутает какие-то слоги в его традиционном приветствии: боуэнти мантифада.

– Кристи, давайте просто ляжем спать и завтра разбежимся по рабочим местам, а? Мы прекрасно выспимся, будем полны сил и все такое. Я предлагаю оставить эти глупости и поступить, как взрослые люди.

– Полностью с вами согласна, – сказала Кристи. – Извините меня, слишком увлеклась и, это самое... давайте просто ляжем спать и уснем. Даю слово, что не притронусь к вам.

– Что ж, Кристи, я вам верю, – сказал Головин возвращаясь в кровать. И телезвезда тоже вернулась на другой край кровати, поскольку та была достаточно широкой. Но едва Головин стал засыпать, как почувствовал, что Кристи его обманула. И самое обидное – он уже не мог ей противостоять.

«Никому нельзя верить, никому», – подумал Марк, поворачиваясь к настойчивой гостье.

8

Утром его ожидал очередной сюрприз. Еще не ударил беспощадный гонг будильника, как в дверь настойчиво постучали.

Головин дернулся и свалился с кровати. Но вскочив, обнаружил, что не прикрыт даже нижним бельем и подхватив какое-то полотенце, поспешил в к дверям.

За ними оказался неизвестный ему субъект в странной форме с фуражкой и бейджиком на нагрудном кармане.

– Мистер Головин, ваш автомобиль внизу. Так что знайте – я уже жду.

– Ты приехал ради меня, что ли? – не поверил Марк, щурясь от яркого освещения в коридоре.

– Да, сэ. Я жду в сиреневой «гринелии». Извините, если разбудил.

Головин уже стал закрывать дверь, когда на смену одному парню в форме, протиснулся другой:

– Прошу прощения, сэ, я шофер мисс Беллоум! Передайте ей, что я запарковался напротив второго подъезда...

Не дослушав, Головин захлопнул дверь и вернулся к кровати, чтобы доспать хоть полчасика, но услышав в ванной шум воды, пошел на зажженный свет.

– О! – произнес он и опустился на пол, созерцая совершенное тело в струях воды.

«Вот мне бы такую девушку», – подумал он, все еще находясь на грани сна.

– Я ушла, милый... – прошелестел ее голос и Марк ощутил быстрый поцелуй в уголок рта.

«Сплю или нет?» – еще раз подумал он, поднявшись с пола и, в свою очередь, становясь под струю горячей воды.

Постепенно его мысли обрели привычный ход и он подумал, что сумел поспать этой ночью часа четыре. А впереди длинный рабочий день.

Можно было, конечно, попросить выходной, но за ним, вон, машину прислали. Было бы полным свинством дать слабака в такой момент.

Да и чаевые с премиальными были уже выше обещанного ему жалования.

– Но с охраной нужно что-то делать, – вслух произнес Головин, вспоминая толстого парня на проходной дома. А еще он забыл спросить у этой телезвезды, как она проникла в квартиру?

– И с замком тоже нужно что-то делать, – сказал он и выключив, воду снял с вешалки душистое полотенце. Пора было отправляться на работу.

9

Внизу, у подножий небоскребов, в туманной дымке сновали тысячи автомобилей, коротких, длинных, цветных, серебристых. Развозные грузовички-боты парили переохлажденной углекислотой, поэтому были особенно заметны в инфракрасном спектре, который Мар воспринимал лучше всего.

Он стоял у большого панорамного окна, сцепив руки за спиной и в который раз пытался понять логику здешнего мира.

Это не было, так уж необходимо, но все же желательно. Как никак он представлял здесь передовой разведывательный корпус.

– Что ты стоишь там, Мар? Оставь свои переживания, так и до лечебной перезагрузки недалеко. Ведомство Кенала следит за нами и стоит им заметить критические рассогласования, мы отправимся на перезагрузку. А это, я тебе скажу, то еще удовольствие.

Мар вздохнул и отойдя от окна, вернулся к столу за которым сидел его заместитель Бриннер, имевший некритичное превышение массы тела и славившийся своим немотивированным оптимизмом.

– Сядь и давай выпьем.

– Выпьем. Это хорошо соответствует местным обычаям.

– Садись-садись, – сказал Бриннер, наливая в охлажденные стаканы мутную жидкость из металлической фляжки с мощным аккумулятором.

– Если бы не вемга, мы в здешних условиях не протянули бы и половины цикла, – сказал Мар беря свой стакан.

– Если бы аборигены не поступали также, им бы здесь тоже жилось невесело. Кавтар циклидная планета. Кинетические ритмы постоянно изменяются, а этот фактор, в свою очередь, накладываются на собственные колебания эфирной оболочки. Поэтому, если бы здешние обитатели не принимали стабилизационных препаратов, они бы все давно попали на срочную перезагрузку. Или, как у них говорят – сыграли бы в дурку. Давай уже примем, пока вемга не остыла. Поехали!

И они «поехали». Потом поставили заиндевевшие стаканы и Бриннер сказал:

– Ты закусывай давай, мы же для равновесия принимаем, а не убегаем от тоски по нашим криптоновым ледникам.

Мар кивнул и взял с термонеutralного блюда пластинку какого-то питательного массива.

– Пить надо, Мар. Только это поможет нам быть готовыми к любым неожиданностям, – сказал Бриннер, доставая из небольшого холодильника дополнительные закуски.

– Зачем так много?

– Здесь так принято. Если мы с тобой так легко говорим на их языке, почему бы на не перенять другие их особенности?

– Я хочу понять этот мир, но не могу. Хотя, логически, это должно быть легко.

– Что значит легко, Мар? Они оперируют четырьмя переменными – три статичных вектор-параметра объема, плюс время – динамический вектор состояния. Ну и еще иногда пробируется, так называемая – интуиция. Это может быть «альфа-скад» или «гамма» в чистом виде, но лишь эпизодически. Итого – всего пять параметров мировосприятия. А у нас изначально было семь. Из-за этого мы тут постоянно чувствуем себя сонными.

– И все же я думал, что будет иначе. Я полагал, что сразу пойму их и буду управлять ими, как какими-то существами, типа магнитных гарпий. Я думал, что смогу на десятки шагов предвидеть их поступки. А тут – полный туман. И мне здесь приходится думать, планировать, как, если бы я имел дело с равными себе.

– Здесь они и есть равные тебе, Мар. У тебя больше потенциал переменных, но использовать ты можешь столько же векторов, сколько и они.

– Да знаю я. Но это все данные из курса профессора Энкера. Их можно запомнить, вызубрить, рассказывать другим, но принять это трудно, Бриннер. Очень трудно.

– Держись, Мар. Если ведомство Кенала заметит, что ты не в себе, на перезагрузку отправят и меня тоже. А я не хочу испытывать это еще раз. Поэтому выпью еще...

– Постой, к нам посетители, – сказал Мар поднимаясь с дивана. В этот момент открылись створки лифта, доставлявшего гостей прямо в гостиную, и первым из кабинки вышел охранник – парень без эмоций и сомнений.

Для большей стабилизации ему имплантировали специальный адаптивный чип.

– Сэр, к вам инженер с докладом.

– Я приму. Здесь приму.

– Хочу напомнить, что инженер несет информацию высокого уровня секретности.

– Я помню. Здесь только я и мой заместитель. Мы оба имеем соответствующий допуск.

Охранник кивнул и вернулся в лифт. Створки закрылись и открылись снова, выпуская из оборотной части лифтовой кабины ожидавшего инженера.

Получать важные сообщения из живого источника было неудобно, однако, до той поры, пока не был закончен монтаж каналов связи с необходимым уровнем защиты, приходилось пользоваться только такими носителями информации.

– Я директор бюро Мар. Это мой заместитель, – сказал Мар, невольно одергивая на себе костюм, как будто это был китель. Он всегда немного робел перед представителями центра.

Визитер помолчал секунд десять, но это было нормально. Он формировал ответ, перекодировав его с более сложного вычислительного языка, на более простой – разговорный.

– У меня есть хорошая новость... Я сообщу вам о славной победе...

Мар с Бриннером переглянулись. Эта манера курьеров делать длинные паузы заставляла нервничать. Что там за победа?

– Мы, наконец, сумели провести операцию, которую так долго планировали наши отцы и параллельные предки...

Мар вздохнул.

– Мы захватили станцию «Вектрум»...

– Да ладно! – воскликнул Бриннер вскакивая и расплескивая из стакана вемгу. – Ой, извините...

– Да, соотечественники, мы дожили до того знаменательного момента, когда «Вектрум» оказался под нашим контролем...

Мар широко улыбнулся. И только сейчас понял, зачем нужно это мимическое движение, которое он так долго тренировал по онлайн руководству разведывательного управления.

Это была прекрасная новость. Контроль над станцией означал контроль над всеми векторными струнами космического пространства. А значит сепиги, ранондапы, кори и весенапы оставались далеко позади в битве за новый космос.

Спор тысячелетий решен!

Бриннер вышел из-за стола и они с Маром обнялись. И это аборигенское действие получилось вполне естественным, хотя Мар тренировал его совсем недолго.

– Первая часть сообщения закончена, – отрапортовал инженер отстраненно.

– Директор Мар сообщение принял, – согласно уставу ответил Мар.

– Следующее сообщение...

Мар и Бриннер продолжали радоваться победе в тысячелетнем противостоянии с другими ветвями семивекторных цивилизаций, когда инженер стал зачитывать следующий текст.

– После попыток начать управление станцией, эксперты столкнулись с трудностями, обусловленными маркировкой переменных в потоках обратного реагирования. Станция не полностью понимает программные языки, как современного...

Инженер снова отправился в технологическую паузу, а Мар и Бриннер разомкнули объятия и перестали улыбаться. Похоже с тысячелетней победой было что-то не так.

– ...так и предыдущего технологического укладов. Без полного контроля над станцией она не может дать нам полного преимущества в этом районе и как только это станет известно нашим противникам, нас ожидают долгие периоды новых столкновений...

В конце концов, этот инженер убрался и спустя минуту ему на смену явился следующий. От него Мар и Бриннер узнали, что согласно удавшейся расшифровке документального градиента станции, удалось определить, что на объекте короткое время пребывали местные гуманы, которые произвели вмешательство в управляющий массив программного пакета.

Во время штурма станции сепигами, а потом и кори, гуманам удалось какое-то время сдерживать их, а затем захватить десантный корабль, на котором они и скрылись.

– Ничего себе – пара гуманов, – заметил на это Бриннер, воспользовавшись очередной технологической паузой инженера.

Из дальнейшего повествования выяснилось, что столь коварные гуманы не стали уничтожать десантников-кори, которых угнали вместе с десантным кораблем и позволили им вернуться обратно. Но вернувшись, те тотчас попали в руки тирикан, которые провели их допрос и отправили на перезагрузку, после которой кори счастливо воссоединятся с единственно верным семивекторным сообществом тирикан.

Это был особенный инженер. Он вмещал в себя значительно больше информации и почти не делал пауз между информационными блоками.

Мар слушал его и в который раз ловил себя на чувстве легкого сожаления. Когда-то давно он тоже хотел стать инженером и у него имелась соответствующая протекция, однако еще на первом подготовительном периоде, когда начиналась программа расширения сознания, он провалился в такой безвременной уровень, что лучшие специалисты центра доставали его оттуда целый восьмисуточный период.

А потом он еще долго находился в лабораторном боксе, где из него пооператорно – знак за знаком, вытаскивали паразитный код, который и проявил себя во время процедуры расширения сознания.

Основную часть кода удалось вытащить, но какие-то обрывки остались – их код находился за пределами семи векторов, поэтому пришлось смириться с последствиями – приступами робости при виде инженеров и странной реакции на восстановительные ванны.

Нормальные тириканы перемещенные в суженное пространство нового космоса, получали от них ощущение обновления и чувство оптимистической всеильности, а вот Мара эти процедуры бросали в краткое уныние, которое, правда, все же сменялось приливом оптимизма.

Но, если честно, Мар отказался бы от этих процедур. Разумеется, он об этом не сообщал даже Бриннеру, но кислотный распад оболочек – это было не для него.

Узнай об этом сотрудники ведомства Кенала – проблем было бы не избежать. Но Мар молчал, позволяя раз в период деструктурировать себя в дымящемся растворе суперкислот с последующим восстановлением по стандартизованным трафаретам.

По мнению контрразведки и Комитета политической стабильности, такие процедуры были необходимы, ведь если их не проводить, органические тела семивекторных организмов начали бы адаптироваться под новую среду и, кто знает, остались бы они лояльны своим семивекторным корням, полностью приняв реальность четырех измерений. Ну, или пяти – с натяжкой.

– По информации из следящих и восстановленных позиционных систем, особо опасные и значимые гуманы высадились на Кавтаре в окрестностях города Блумпейна.

– Это же от нас, всего полсотни этих, как их... линейных отрезков, – заметил Бриннер.
– Километров, – подсказал Мар, продолжая слушать и стараясь не пропустить ни слова.
– Район высадки преступных гуманов определен, они должны быть схвачены без повреждений их мозгового контента. Несекретные детали будут переданы посредством обычной кодовой передачи.

Закончив сообщение, инженер удалился и Мар тотчас вызвал отдельную кабину лифта, на которой они с Бриннером спустились в неучтенные планом нижние уровни здания, достроенные в последние пару месяцев.

Всё здание было арендовано через подставных лиц на пятьдесят лет, а затем, тайно доставленные роботы-строители местного производства, выполнили все необходимые расширительные работы.

10

Едва створки лифта открылись на «минус-четвертом» этаже, Мар с Бриннером погрузились в кипящую деятельность бюро, со спящими наладчиками и озабоченными операторами, задумчиво глядевшими в терминалы.

Строгие аналитики подгоняли их к работе и делали замечания по качеству потоков информации, а потом спешили к заведующим секторами, чтобы выложить намытые крупницы ценных сведений.

Заметив начальство, сотрудники бюро тотчас прекратили посторонние разговоры и погрузились в работу, а начальники секторов, в своих крохотных «аквариумах», стали вскакивать, торопливо подбивая отчетность за прошедшие сутки.

Здесь Мару было не до самокопаний. Едва он погружался в служебную атмосферу, как сразу превращался в эффективную управляющую машину.

Он прошел в «аквариум», который был значительно просторнее кабинетов заведующих секторами, что диктовалось не требованиями личного комфорта, а лишь необходимостью размещения совещательного стола и нескольких дополнительных постов оперативной связи местной сети.

Для нее мощностей кодировочных блоков вполне хватало, а вот информацию стратегического уровня пока поставляли только живыми носителями.

Спустя три минуты, все завсекторами и еще пара аналитиков с горячих направлений уже собрались в кабинете Мара.

Началась перекличка, каждый докладывал о проделанной работе и полученных результатах. Они были – так себе, поскольку пока бюро работало на вырост, стараясь охватить все, но не имея конкретной задачи.

Мар был доволен. Было что отправить наверх, однако после всех докладов он поднялся из-за стола и сказал:

– Все вы прекрасно знаете, как много для нас значила станция «Вектрум» и вот теперь мы ее получили...

Сидевшие за совещательным столом стали переглядываться. Одни уже торжествуя и едва сдерживая крики радости, другие в полном недоумении – что за станция такая?

– Соотечественники! Станция получена, но преступными усилиями пары гуманов она выведена из процесса управления. Подлые гуманы проделали свои программные фокусы и сбежали на десантном корабле кори. И наши высочайшие руководители прозрачно нам намекают, что вышеозначенные гуманы высадились на Кавтаре. И не просто так – в свободных координатах, а конкретно в соседнем с нами городе! Как вам такое!?

Все, кто понимал о чем идет речь, тотчас вскочили и стали кричать, требуя немедленных действий. А известный на весь отдел ветеран Кольберг, бывший лейтенант сил вторжения в районы «нового космоса», кричал громче всех, а потом даже вскочил на стул, но вдруг, взмахнув руками, свалился на пол так быстро, что никто не успел его подхватить.

– Зовите медректора! Медректора зовите! – закричал кто-то, но это было лишним. Медректор явился сам, поскольку на его дежурном мониторе отображались параметры самочувствия всех сотрудников офиса.

Он склонился над лежащим на полу ветераном, потом сделал ему инъекционный разряд в запястье и Кольберг очнулся.

– Сэр, я заберу его к себе в бокс! – сообщил медректор Мару. Тот кивнул. Ветеран должен был отлежаться и получить предварительные препараты перед очередной восстановительной ванны.

Уже второй за последние две недели, хотя рекомендовалось не превышать две процедуры в полгода. Медректор уже докладывал Мару, что следовало бы отстранить Кольберга от службы, но ветерана рекомендовали сверху и просто так уволить его на пенсию Мар не мог.

Когда медректор увел Кольберга, все вернулись за стол и Мар начал ставить задачи заведующим секторами.

– Первый сектор, за вами, как всегда – сбор информации. Пролезьте во все архивы, начиная с полиции и заканчивая частными компаниями. Скоро нам придут дополнительные сведения о времени высадки этих двух гуманов, чтобы вы смогли точнее сфокусировать свои поиски.

– Я понял, сэр, – кивнул заведующим первым сектором.

– Так, теперь ты, Грета, – произнес Мар, обращаясь к руководителю сектора, отвечавшего за работу с агентурой. – Начинай инструктировать свои кадры, чтобы искали информацию о свидетелях посадки корабля или каких-то странных явлениях, связанных с засветками на радаре, жалобах пограничников и так далее. Ну, ты меня понимаешь.

– Да, сэр, – кивнула Грета и Мар задержал на ней взгляд чуть дольше необходимого.

Она совсем не изменилась, но с тех пор, как они были внедрены в «новый космос», отношения разладились. Да и работа мешала, раньше они служили в разных подразделениях, а теперь он ее начальник.

– Раргуст! В вашем круге, как всегда, остается сфера кубитных всплесков. Постарайтесь найти следы наших субъектов! Они – сущности волевые и решительные, такие, без сомнения, должны оставить структурные возмущения в кубитной сети.

– Да, сэр, мы приложим все силы! – воскликнул заведующий сектором, немного громче чем следовало.

«Карьерист и подхалим», – вспомнил Мар строку из досье Раргуста. Впрочем, его профессиональные качества перекрывали его отрицательные характеристики. Поговаривали, даже, что он лично владеет «кубитным зрением», но фрагментарно и иногда.

– На этом – всё! Все свободны, за работу, камрады!

Сотрудник вышел из-за стола и направился к выходу.

– Надо было похлопать в ладоши, – сказал Бриннер, оказавшись рядом с Маром.

– Что?

– Когда говоришь финальную фразу – «за работу, камрады», нужно при этом похлопать в ладоши.

– Как похлопать?

– Призывно.

– С чего ты взял? – удивился Мар, продолжая следить за тем, как красиво движется Грета, как ставит ноги, как неподвижны ее плечи при этом и этот полуборот головы... Ах, она была прекрасна и как же так получилось, что он совсем утонул в текучке, забыв про...

– Мар, ты меня слушаешь?

Мар повернулся к заместителю, который, по своему обыкновению, все еще что-то жевал.

– Разумеется я тебя слушаю.

– А мне кажется, что весьма формально, камрад-начальник. Ты более увлечен фигурой Греты. Но для тебя я, так уж и быть, повторю: согласно новейшим технологиями тимбилдинга, важны не только суминициативные связи в команде, но также и их внешняя шоу-бамбл. Понимаешь?

– Ну...

– Окраска, понимаешь? Инструктируешь подчиненного и делаешь пальцем вот так, производишь финальную фразу и фиксируешь ее хлопая в ладоши.

– Что это за хрень, Бриннер? Откуда ты это берешь?

– Ну, во-первых, поскольку мы сейчас ведем диалог на неформальном уровне, постарайся использовать фри-нейминг.

- Чего?
- Здесь у каждого индивида имеется не только общая характеризующая нотция – фамилия, но и дополнительная – имя. Вот у тебя какое имя?
- Мар. Ай, прости! Лейн! Это от Ливенбрум! Старое катарское имя-вызов!
- Ах, Лейн, ты слишком формален. Вот я – Чини! Добрый, отзывчивый!
- Ты на полставки в ведомстве Кенала, добрый-отзывчивый.
- И что? Кому от этого плохо? Я же первый сказал тебе, что на Кенала работаю.
- А если это часть игры?
- Ну и пусть, Лейн. Цель-то у нас общая.
- Цель общая. Откуда ты берешь эту хрень про тимбилдинг?
- Из онлайн курсов коуча Ридберга, приятель.
- Дорогой Чини, я четыре обучающих периода потратил на изучением аборигенской речи, а ты тут снова внедряешь какие-то заковыристые словечки. Что за коуч такой?
- Это социальные тренды. Общество аборигенов формирует дополнительные культурные слои. Так возникают всякие новые словечки, которых ты не изучал в классическом курсе. Это нормально.
- То есть, они изменяют свой язык?
- Постоянно. То удаляясь от классического ядра, то возвращаясь.
- Но у нас-то все стабильно в степенях вариантных форматов...
- Стопэ, начальник, сдай назад! О степенях лучше не вспоминать, лучше говорить: на протяжении тысячелетий.
- Так принято у аборигенов?
- Да, так принято у аборигенов.
- Но ты снова используешь какие-то новые слова.
- Да, мне это нравится. Советую и тебе применять их почаще.
- Зачем?
- Это дает... Это дает некую эмоциональную разрядку. Я тут, специально для тебя, приготовил блок неформальных специфических слов. Они не входят в стандартные классические блоки, но местные пользуются ими довольно часто.
- Ты серьезно?
- Совершенно серьезно.
- Так сколько же у стандартного языка дополнительных пакетов?
- Великое множество, Мар. Просто великое множество.

11

Машина свернула с центральной улицы в тихий переулок и Головин приоткрыл глаза.

Пока они ехали от компании – минут пятнадцать, ему удалось подремать. Он даже чувствовать себя стал немного лучше, чем когда, наконец, выбрался из доставочной капсулы и едва сумел сбросить с себя костюм – комбинезон.

«Концертный, блин», – подумал Головин, улыбнувшись.

Так называл этот развозной комбинезон сотрудник отдела маркетинговой стратегии. А еще он часто произносил слово «реквизит».

Реквизитом считались разные рекламные муляжи. Они размещались на специальных полках внутри кабины капсулы и когда клиенты выходили из своего дворца или там, какогонибудь, бунгало, позади Головина загоралась ненавязчивое освещение и все эти новинки выглядели весьма аппетитно.

Но все это был пенопластик, который выглядел еще лучше чем настоящие продукты компании.

– А если они попросят попробовать? – спросил в свое время Головин, когда в первый раз отправился на выезд с такой рекламной витриной.

– Просто скажите, что эти порции уже заказаны и пообещайте подвезти новые позже, – посоветовала Рита, которая теперь говорила ему только «вы», ведь он был новой восходящей «звездой» доставки.

Правда, не всем в компании это нравилось. Головин уже ловил на себе недобрые взгляды прежних «звезд». Их было четверо. У них были какие-то умопомрачительные прически, а на лицах они носили мимические фиксаторы, делавшие человека почти неузнаваемым, зато придававшие ему желаемые черты.

Их имен Головин не знал, слышал лишь мимоходом что-то вроде Эванс или Эглесиас. Они и внешне были похожи и имена у них были какие-то одинаковые. Возможно, при других обстоятельствах Головин отнесся бы к коллегам более внимательно, однако он был завален заказами и едва успевал сменять комплекты комбинезонов, который пропитывались потом, мялись и начинали выглядеть несвежими.

Теперь у него их было несколько, он даже не знал сколько именно, ведь этим были озабочены специально обученные специалисты. Ему лишь говорили:

– Марк, нужно обновиться. Воротник морщит.

И он соглашался. Еще немного поправляли прическу, закрепляли каким-то гелем и даже бывало, меняли доставочную капсулу, отправляя ее на дополнительную полировку.

Сегодня он сделал семь доставок, а вчера было даже восемь. Помимо ставки и бонусов, на счет падали «чаевые» – две, а то и три сотни в день.

– Мы приехали, сэр, – сообщил водитель, когда машина остановилась перед решетчатыми воротами, за которыми находился четырехэтажный дом. Он был собственностью компании и здесь жили все ее важные люди. В том числе Рита и четверо других звездных доставщиков, но вход в их секцию дома был с другой стороны.

Повсюду была зелень и клумбы с натуральными цветами.

Декоративных заменителей в этом городе попадалось мало и поначалу Головина это радовало, но теперь за всей этой монотонной работой, ему уже было не до красивых видов. Требовалось соответствовать его постоянно повышавшемуся рангу.

Теперь, когда он переехал в квартиру, выделенную компанией, через здешнюю охрану уже не могли просочиться никакие фанатки, которые у Головина уже появились.

В его отсутствие в квартире постоянно наводили порядок и пополняли запасы напитков и легких блюд для скорых перекусов. Ими были забиты два холодильника с прозрачными двер-

цами и едва Головин заходил в кухонный блок, в этих витринах загорался свет, давая ему возможность выбрать то, чего хотелось в данный момент.

Одно время, ему даже, приносили натуральные ягоды в упаковках с инертным газом, но попробовав пару раз, Головин больше до них не дотрагивался, поскольку не был приучен к такой еде с детства.

Спустя несколько дней эти упаковки из холодильников исчезли – кто-то, возможно даже автоматическая станция учета, строго следили за предпочтениями жильца.

Пару дней назад Головин обнаружил на кухне стойку с двумя видами мейдеров – быстрого разогрева и полного синтеза. А также необходимые наборы полуфабрикатов. Для быстрого разогревающего набралось полтора десятка компонентов, которые при смешивании в разных пропорциях давали самые разнообразные продукты, а мейдер полного синтеза использовал всего пару картриджей с кристаллическим наполнителем.

В нем все зависело от наложения высокочастотных сигналов с какими-то там точками фокусации. Так Головин для себя понял, наскоро пробежав глазами прилагавшийся файл с инструкциями.

Утром персональный автомобиль уже ждал его у ворот и поеживаясь от утренней свежести, Головин запрыгивал в теплый салон, погружаясь в дрему и досыпал те двадцать минут, что машина пробиралась по улицам, минуя заторы, характерные для утреннего часа-пик.

Потом сразу в комнату оснастки, где он раздевался до белья и при помощи двух помощников или помощниц – зависело от смены, надевал свой первый за день рабочий комбинезон с накрахмаленным воротничком и бархатной «бабочкой».

Оттуда выскакивал к площадке старта, где уже стояла доставочная капсула-робот, разбивавшаяся в маршрутах и объездных маневрах лучше, чем любой водитель.

– Доставка загружена, третья категория и немного салата-фреш. Не забудь сделать акцент на этом салате, это наша новинка, – тараторила Рита, семена за ним следом и успевая просматривать на планшете приходящую статистику.

– Адрес? – спросил Головин, хотя тот имелся во внутреннем терминале капсулы, однако проговоренный менеджером он позволял лучше ориентироваться на маршруте доставки.

– Это район Лира-Морис, особняк бывшего мэра города. Мистера Пейна. Вы уже бывали там, Марк, встречающей всегда выходит его дочь Эдита-Жануария.

– Да, я помню, – кивнул Головин вставая на подножку капсулы.

Эдита была избалованной женщиной тридцати с хвостиком лет, полагавшей, что с деньгами ее папеньки можно позволить себе распускать руки, пытаясь забраться доставщикам под одежду.

Прошлый раз Головину удалось ее отвлечь какой-то болтовней. Каково будет на этот раз?

12

Доставочная капсула ловко маневрировала в городских закоулках, выискивая самую безопасную и спокойную дорогу для доставки какой-то разрекламированной чепухи клиенту с толстым кошельком.

Головин уже полностью осознал свою роль во всем этом спектакле и никак не реагировал на оскорбительные выкрики в свой адрес, когда вдруг оказывалось, что у клиента в доме праздник.

«Ублюдок» и «оплаченный педик» – не самые страшные из них, бывало даже что-то вроде – «а снимите, как я ему с ноги врежу!».

Он должен был адекватно воспринимать глупости клиентов и улыбаться, если у него на это было время, и вовремя закрываться от брошенных ботинок, пустых или полных бутылок, ведь присутствовавшая на таких празднествах охрана не всегда могла уследить за всеми хулиганами, при том что статус некоторых был таков, что им позволялось все.

Это была обратная сторона высоких гонораров, составлявшихся не только из зарплаты, бонусов и чаевых, но в немалой степени и из штрафов, который выплачивали высокостатусные хулиганы, об этом беспокоилась система видеофиксации установленная на доставочной капсулы.

Главное, в конце всего этого бардака крикнуть: буоэнти мантифада!

И все, доставка оформлена.

Правда клиенты об этом не знали и продолжали преследовать доставочную капсулу, истошно вопя, стреляя из серпантин-пистолетов и требуя от Головина, чтобы он присоединился к их празднику.

Однако, он не был готов присоединяться, кроме одного случая, когда ему лично позвонил главный менеджер и сказал:

– Прислушайтесь к моему совету, Марк! Это очень важная встреча для нашей компании, если она позовет вас в дом и вы пойдете – получите бонус в шестьсот квадров!

Головин тогда ответил, что конечно пойдет, ведь самочувствие компании для него чрезвычайно важно. Но к его счастью, клиентка к моменту самого важного действия уже набралась до самого края.

Она вышла в одном лифчике, едва сумела схватить Головина за руку и потащила за собой, но на парадном крыльце упала в руки подросевших слуг, которые ее унесли.

А Головин вернулся к доставочной капсуле вспоминая ее прекрасные формы. Ну, зачем она так напилась? Он был готов и сам оплатить ей выпивку, если бы она выбрала его.

Но она выбрала выпивку.

И вот капсула снова несла его навстречу неизвестности.

Дома, тротуары, пешеходы. Развозные грузовики-роботы, семейные седаны с ручным управлением – набитые пассажирами и совершенно пустые.

Полицейские кары с операторами в шлемах альтернативной реальности.

Когда Головин видел их, ему казалось, что копы совершенно не контролируют дорогу – так глупо они выглядели в этих шлемах со множеством датчиков. Однако, это было ошибочное представление и Головин знал, что эти парни видит все вокруг в десятках спектров, замечая даже то, что у какого-то грузовика изношена рулевая система и на очередном повороте он может въехать в толпу на тротуаре.

За этим следовал резкий старт, полиция прижимала потенциального нарушителя и начались разборки.

Головин неоднократно видел, как к остановленным грузовикам вызывались группы поддержки, когда водитель отказывался признавать правоту дорожных копов.

Они не спорили и сразу вызывали подмогу.

Иногда это был скоростной патрульный кар из района, доставлявший «тяжей» в броне и с оружием.

В другой раз беспилотник с растопыренными манипуляторами парализаторов, зависавший перед лобовым стеклом.

Полицейские умели найти убедительный способ уговорить нарушителя не доводить спор до крайних мер.

Как позже узнал Головин, лицензии на регулировочные и ремонтные работы в городе стоили очень дорого, поэтому водители-собственники избегали дорогостоящих наладочных работ и старались эксплуатировать свою технику до предела.

Это напоминало Марку его борьбу с ботиночными лицензиями, где он, в результате, потратил больше, чем сэкономил. Но, благодаря череде событий, все таки, нашел медовое место, где квадры пачками падали на его банковский счет.

Здесь его ценили, здесь он был нужен и здесь никого не интересовало, какой таблеткой нужно закинуться, чтобы вкачать в себя очередные гигабайты штурманских инструкций или вовсе посторонних наук, которыми изобилует курс обучения в навигаторской школе.

– Внимание, до контакта с заказчиком осталось три минуты... – сообщил голос автопилота.

– Ой! Я что, спал, что ли? – машинально произнес Головин, понимая, что глубже обычного погрузился в собственные мысли.

– Ничего страшного, сэр, вы мало спите. Ваш коэффициент готовности равен шестидесяти четырем процентам. Этого достаточно для исполнения ваших обязанностей, но в перспективе на месяц, вы будете отстранены от выполнения обязанностей по показаниям медицинской комиссии...

– Да нихрена ты не понимаешь! – не согласился Головин. Его уже предупреждали, что честная система будет говорить ему все эти гадости, однако живые менеджеры понимали, что звезда доставки кует монету для них всех, а программа мониторинга была собрана программистами-идеалистами. И невозможно зарабатывать бонусы и сверхбонусы, работая лишь по восемь часов в день.

Каждые сутки Головин перерабатывал по три-четыре часа. Эту переработку и замечала умная программа, а потом озвучивала голосом, ни в чем не виноватой тридцатипятилетней женщины.

Четырехполосное шоссе сменилось ухоженной частной двухполоской. Еще шестьсот метров и контакт с заказчиком.

Головин машинально коснулся очередного шедевра парикмахеров – его новая прическа называлась «лето в Равансоле. Август».

Равансоль – это город в паре сотен километров к югу. Там теплое море и штормы с бешеной скоростью ветра и выбросом морской гальки, летевшей быстрее пули. Но не в августе.

Капсула на предельной скорости выскочила на разворотный круг перед въездом во владении госпожи Эдиты-Жануарии, и сделав пару оборотов вокруг клумбы, остановилась напротив ворот из пластика с литыми фигурками авторской работы.

Из-за приоткрытой створки, улыбаясь, вышла хозяйка дома – особа с некоторыми следами увядания, но все еще достаточно привлекательная.

Рядом с ней не было никого и Головин облегченно перевел дух. Похоже все ограничится традиционной фразой: буоэнти мантифада! И потом маршрут домой – в компанию, где для него уже был припасен новый адрес, а за ним еще и еще. За «звездных» доставщиков велась борьба, которая отражалась в рейтингах онлайн-аукционов. Именно там заказчики платили немалые суммы, чтобы выторговать право доставки элитного стритфуда в указанное ими время.

При этом оплата заказов, выглядела копеечной по сравнению с суммами, которые толстосумы демонстративно выкладывали за позицию в рейтинге. Чтобы все видели и знали, что они могут себе такое позволить.

Хозяйка подошла ближе и Головин изобразил на лице, ни с чем не сравнимую радость, по крайней мере, именно так, по мнению инструктора по артистичности, эта самая радость должна была выглядеть. И пока этот номер вполне себя оправдывал.

Хозяйка уже приняла коробку с заказом и Головин набрал в легкие воздуха, чтобы произнести фирменную фразу, как вдруг на мощеной дорожке из зарослей золотистых роз показалась уже знакомая ему Анна.

– Не торопись! – сказала она, широко улыбаясь и Головин, забывшись на краткий миг, вновь попал под очарование ее красоты.

Правда, теперь Анна казалась ему лишенной прежней доброжелательности. Теперь ее взгляд, почти пронизывал его самого и даже доставочную капсулу.

– Ну нет, Ани! Ты не должна была выходить! Я выложила на аукционе кучу квадров, чтобы перекинуться с этим красавчиком парой слов на гарнэльском! Я три дня штудировала разговорник! – шутливо, а может и серьезно возмутилась хозяйка.

– Возмещу половину, Жени, извини, что вмешалась. Просто случайно увидела знакомое лицо.

– Вы знакомы?

– Он привозил нам заказ. И кажется это было его первым заданием. Георг его тогда замучал демонстрациями своей коллекции железяк. Бедный мальчик был так озадачен!

– Так он говорит по-нашему? – искренне удивилась Эдита-Жануария посмотрев на Головина.

– Совсем немного, – качнула головой Анна. – В основном общались знаками, как это принято там у них в Гарнарии.

– А у них так принято? – еще более удивилась Жануария, переводя взгляд с Анны на Головина и обратно, при этом он из последних сил удерживал на лице выражение крайней радости.

Анна видела затруднения Марка и издевалась одновременно над ним, и над своей доверчивой приятельницей. Она намеренно напросилась в гости к Жануарии, узнав из результатов аукциона о времени прибытия Головина с заказом.

Конкретной цели у нее пока не было, однако куратор дважды за последнюю неделю связывался с ней и напоминал, что у нее перед ним обязательства. А все потому, что в одном из регулярных отчетов для него, она упомянула о странном поведении доставщика-курьера стритфудной компании.

Поначалу, как и следовало, тот пялился на Анну, запинаясь и с трудом подыскивая слова – это ее не удивило, так на нее реагировали, почти все мужчины и она бы пропустила этот визит, но Георг очень настаивал, чтобы к нему пригласили свежего человека – побеседовать. Он любил удивлять незнакомцев, потому, что знакомые восхищались им слишком уж заученно и неискренне.

Потом были какие-то пустяки, Георг, как всегда, старался выглядеть многозначительным и произносил умные слова. А потом мальчишка что-то там предугадал – возможно случайно, но Георг был сильно удивлен и тогда прозвучал термин «кубитное видение».

Анне это мало о чем говорило, но поскольку она составляла отчеты по записям разговоров Георга и его сотрудников, «кубитное видение» ушло в отчет для куратора.

Поначалу, этот отчет, как и прочие, канул в архивные бездны ее шефов, однако спустя неделю эта информация неожиданно «выстрелила». От Анны потребовали общения с новым курьером, чтобы лучше прояснить его личность. Правда теперь, сделать это было труднее, ведь он стал местной «звездой», вследствие чего к нему было привлечено повышенное внимание.

У него даже появился собственный шофер, который, без сомнения, сочетал и охранные функции.

Открыто напрашиваться на контакты, означало подставиться под освещение в «желтой прессе». Но о них с Георгом и так ходили легенды.

Одним словом, задача выглядела не такой простой. Пришлось навязываться в гости к Жануарии, что было не сложно. Той хотелось повторить успех самой Анны и заметно омолодиться. Никто, конечно, не знал настоящего возраста Анны, как впрочем и того, что ее цветущий вид являлся успехом не только методики Георга, но в не меньшей мере ее теперешних кураторов.

Да, Георг мог совершать удивительные вещи и скачок на пятнадцать-двадцать и более лет действительно был ему по силам, однако правдой было и то, что имплантация модуля регенерации отражалась на интеллектуальном рисунке пациента. В свое время отразилась она и на самой Анне.

По мере того, как она месяц за месяцем преображалась, уходили и ее способности. Почувствовав, что тупеет, Анна стала впадать в отчаяние и уже не хотела молодости такой ценой. Однажды, еще никому не известная в городе, находясь на рубеже омоложения, примерно тридцати пяти лет, в одном из ночных клубов она разговорилась с молодым незнакомцем.

Он оказался чутким и внимательным. И после того как она, крепко поддав, выложила все о своей проблеме, побеспокоился о том, чтобы новая знакомая добралась до своего дворца без приключений.

На другой день она уже и вспомнить не могла, что было накануне и приводила себя в норму дорогостоящими пилюлями под неодобрительными взглядами мужа.

Спустя неделю, молодой человек из ночного клуба, встретил Анну в торговом центре, где она бесцельно бродя среди витрин, начинала постигать смысл своей новой жизни, состоявшей в основном из шопинга.

Анна не сразу вспомнила нового знакомого и ему пришлось подробно рассказывать, где и при каких обстоятельствах они познакомились.

С трудом, она вспомнила отрывки того вечера.

– Я кажется, изрядно набралась и болтала без остановки, – сказала Анна и покачала головой. Они сидели в кафе торгового центра, в VIP-отделении, где цены кратно отличались от обычного зала. За все платил новый знакомый.

– Ничего страшного, Анна, у каждого человека бывают минуты, когда хочется выговориться.

– Это – да, но все эти разговоры бесполезны. Я пробовала сеансы парапсихологов и протоструктурные процедуры. Это не помогает.

– Ну, не в нашем случае. Можете считать, что вам повезло. Я работаю в исследовательской компании, как раз связанной с протоструктурными процессами. То что делаем мы, не может никто и даже, извините за дерзость, ваш уважаемый супруг.

– Что вы хотите... э-э...

– Гоулд. Фредерик Молдер, – представился он и Анна подумала, что наверное уже знакомилась с ним тогда в клубе, но конечно забыла.

– Нет, мы не знакомы. Просто разговаривали безо всяких формальностей, – сказал он тогда, угадав ее мысли. – Дело в том, что мы в компании уже проходили через сложности процессов, которые на вас сейчас отражаются и нам удалось решить эту проблему.

– То есть, ваши пациенты не тупеют? – просто уточнила Анна.

– Ну, в отличии от профессора Георга, у нас нет отлаженного коммерческого потока, мы исследовательская компания. Однако вопрос поставлен правильно – наши пациенты не тупеют.

– Значит вы можете помочь мне? – тотчас ухватилась за это Анна.

- Да, совершенно точно и мы сможем вам помочь, – подтвердил молодой человек.
 - О, я готова заплатить любые деньги!
 - Нет-нет, у нас хорошее финансирование.
 - Но вы же попросите что-то в обмен?
 - Да, но совсем немного. У нас, конечно, весьма продвинутая программа, однако информация лишней не бывает.
 - Вам нужны результаты исследований Георга?
 - Лишь некоторые. Возможно какие-то акценты, перспективные направления. Если же что-то покажется вам слишком уж вызывающим, мы отзовем это требование или же предложим дополнительную плату.
 - То есть вы вербуете меня? – напрямую спросила Анна.
 - Получается так. Но похоже вас это не смущает.
 - Если вы уберете этот ужасный побочный эффект, господин Молдер, то я в игре.
- На том они иладили. Спустя неделю Анна отправилась в спецклинику для косметологического обследования – это было версией для ее мужа. На самом деле, в секретной лаборатории укрытой под вывеской какой-то экспортно-импортной компании, ее целый час продержали в бочкообразной стальной камере, после чего странный доктор с лошадиной физиономией, смешно растягивая слова, сообщил, что все в порядке – «паразитные дельты стартовых фаз удалены».

13

Спустя несколько дней после тайной процедуры, Анна стала замечать, что корректировка начала действовать. Ее все меньше влекло к шопингу, она восстановила свой библиотечный ключ, чтобы получить доступ к архиву, а спустя еще пару недель, с удивлением обнаружила, что вновь может по памяти выводить весь бином Фобберга из ста двадцати восьми уравнений для режима динамических переменных.

Для Георга ей приходилось оставаться все той же дурочкой, чтобы он не начал задавать ненужных вопросов.

Для еще большего соответствия новому образу, Анна стала чаще появляться на разного рода собраниях и празднествах. Так поступали все клиентки ее мужа, чтобы продемонстрировать свою новую молодую оснастку.

Однако, не успела Анна начать получать удовольствие от возвращенной почти что молодости и восстановленного интеллекта, как ей в нагрузку был прислан Риддер. За него настойчиво попросил Молдер, уверяя, что это только усилит позиции самой Анны и послужит ей дополнительным прикрытием. Но она понимала, что новый человек на должности личного камердинера нужен Молдеру для еще большего контроля над ней.

Это ее совершенно не устраивало и она пыталась «сбросить» этот контроль.

Анна вызвала Молдера на встречу и в категоричной форме потребовала увольнения соглядатая, угрожая разрывом сотрудничества, однако это не подействовало, поскольку куратор намекнул, что коррекции полученные в его исследовательском центре можно отменить дистанционно. Мало того, был возможен вариант полного рассогласования параметров регенерационной пластины, которую ей имплантировали в клинике супруга.

Анна сделала вид, что смирилась, однако лишь для виду, а на самом деле опираясь на возвращенный ей интеллект, сумела, как ей казалось, тайно выйти на криминальные круги, где не церемонясь, оплатила услуги парочки убийц.

Они получили немалый задаток и – пропали. Риддер же остался при ней и вел себя, как ни в чем не бывало, играя роль слуги, а на самом деле с ухмылкой, совал нос во все исследовательские отчеты, которые ему вынужденно поставляла Анна.

Поначалу она решила, что подрядчики ее надули и сбежали с немалым задатком, однако спустя какое-то время с ней связался Молдер и поговорив о том – о сем, пожурил за слишком эмоциональную реакцию на контроль.

– Риддер это необходимость, поймите это, Анна. Не будет его, будет кто-то другой, плюс наши испорченные отношения, – сказал ей Молдер на одном из сеансов видеоконференции.

Но и после этого, она не хотелось сдаваться и однажды подкараулила Риддера во время одного из его редких выходных.

Было раннее утро, он шел по достаточном пустынному тротуару, а она неслась в прокатной машине взятой по фальшивому удостоверению личности. Теперь ничто не мешало ей лично поставить точку в чередке его ухмылочек. Но все же Анна понимала, что проблемы это не решит и нужно учиться жить в создавшихся условиях. Поэтому проехала мимо, стараясь больше не думать о покушении.

И вот теперь она стояла с бокалом какого-то пойла перед этим «звездным» мальчишкой, о котором почти ничего не было известно и о котором требовалось собрать любую информацию. Годилося все – выражение лица, реакции на слова и шутки, как дышит, как кашляет или чихает, не сутулится ли при ходьбе, что предпочитает на обед.

Но пока Анна могла только улыбаться и продолжать строить из себя дурочку.

В результате, доставщик через пару минут, все же уехал, а ей осталось анализировать то, что она увидела и имитируя реакцию на болтовню Жануарии, прикидывать уме, как налить в отчете побольше «воды», но чтобы это выглядело значительно.

14

Ги Цирмон был самым «младшим» из четверки состоявшихся «звезд» компании и именно ему выпала честь «все уладить».

Этот термин придумал Леркок, самый авторитетный из четверки. Ги поначалу пытался протестовать, требовал, чтобы все решил жребий, но Леркок фактически назначил его.

– У тебя папаша сидел, малыш, значит твой генетический код для подобных делишек больше подходит, – почти серьезно заявил он и двое других, пряча улыбки, его поддержали.

Это было в клубном кафе «Штутг», на Ливенс-авеню в специальных апартаментах. Из окна была видна улица, транспорт и красивые девушки из художественной школы.

Леркок и Марциус часто прямо отсюда высматривали новые жертвы. Иногда заключали на них пари.

– Ну, допустим я согласился. Чего мы должны добиться? Какого результата? – спросил Ги, всем своим видом стараясь показать, что он принимает решения независимо, но на самом деле, его угнетала роль самого низкого звена в этой четверке, при том, что его доходы были повыше, чем у Леркока.

Да, когда-то у того была самая высокая оплата, но время шло, элитная публика жаждала новых кумиров и ставка Леркока съехала вниз.

Ставка съехала, однако авторитет остался на прежнем уровне. Леркок мог приказывать любому из этих троих и никто не в силах был ему перечить.

– Валить этого ублюдка и дело с концом, – сказал Кардер, незаметно проверяя насколько плотно сидит приклеенная на шею марка.

Он думал, что делает это незаметно, но приятели знали, что он сидел на «шидарбане» и сберегая желудок, использовал дозу в виде марки.

Это было удобно, поскольку воротник скрывал шрамы от едкой химии.

Разумеется, все костюмеры тоже знали о его привычках, а значит и весь персонал компании. Но пока в рекламных роликах он выглядел, как новенький лакированный ботинок, вопросов к нему не возникало.

– Это в тебе говорят эмоции, а нам главное убрать его с панели, – сказал Леркок. – Валить не нужно, достаточно отправить его на полгода в больницу. Ты понял, Ги? Не нужно впутывать сюда криминальную полицию, достаточно будет местного полицейского разбирательства.

– Нужно чтобы напали на улице? – уточнил Ги Цирмон.

– Нет, какая улица? Он восходящая «звезда», его на улице не увидишь, у него каждая минута расписана. Пусть обработают его прямо на квартире.

– Но дом компании охраняется, – заметил Кардер.

– Охраняется главный вход. А через эвакуационный выход можно провести хоть целую банду. Главное, чтобы не шумели, понял, Ги?

– Если я открою эвакуационный выход своим ключом, меня сразу накроют...

– Своим не нужно, возьми вот этот, – сказал Леркок, протягивая кодовую пластинку серого цвета без фирменного логотипа компании.

– Откуда ты ее взял? – удивился Ги.

– Ты этого не только не знаешь, ты забудешь откуда эта штука у тебя появилась, – строго произнес Леркок глядя в глаза младшему коллеге.

– Я понял, – кивнул тот и спрятал ключ в карман.

– Эй, старый, смотри какая ципа! Это какая-то свеженькая! – сказал Марциус, глазевший в окно на широкое крыльцо художественной школы.

– Ну-ка... – отвлекся Леркок. – Это Рива Кайер, второй курс. Чуть ниже пупка у нее милая родинка.

– Ну ты даешь, старый, за тобой не утонишься!

– Так не гонись! – посоветовал Леркок и нервно рассмеялся.

– Ладно, пора мне, – сказал Ги Цирнон поднимаясь и по привычке пробегаясь пальцами по всем швам, лацканам и вороту – чтобы ничто нигде не морщило, ведь он являлся одним из лиц компании.

Впрочем, сейчас он был в «домашней» одежде, с удобными магнитными фальш-пуговицами спереди, а не в профессиональном концертном комбинезоне с молнией во всю спину – для удобства сотрудников костюмерной секции.

– И еще одно, Ги... – произнес Леркок, не отрывая взгляда от крыльца художественной школы. – Не жмоться там, не бери, что подешевле. Нам нужен гарантированный успех.

– Пятьсот будет нормально? – уточнил Ги, имея в виду вознаграждение для наемников.

– Нет, ненормально! Три тысячи, Ги! А в случае необходимости – даже пять тысяч!

Ги Цирнон вздохнул. У него было бедное, даже нищенское детство и он привык экономить каждый фартинг, не то что квадрат. Нужда засело в нем так глубоко, что уже достигнув двадцатитысячного рубежа месячного дохода, он все еще взвешивал каждую покупку – проверяя не обманывает ли его упаковочный автомат на полквadra.

15

Оставив коллег досиживать свой полуденный перерыв, Цирнон, у которого был выходной, направился на окраину города, где у него имелось достаточно знакомых из прошлой жизни.

Его паротурбированный «трикс» вызывал восхищенные взгляды в транспортном потоке, однако такая машина совсем не годилась для поездки в фабричный квартал.

Люди там жили простые и запросто могли расписаться гвоздем на лакированном борту.

Но не только это заставило Цирнона парковаться на платной площадке за пару кварталов от фабричного района. Прежние друзья, хотя и знали о его взлете, едва ли одобрили бы приезд на машине за сто тысяч квадров. Этим он только бы подчеркнул дистанцию, которая теперь была между ними.

Оставив машину, он почувствовал какое-то облегчение и еще толику ностальгии, когда шел по улицам, по которым давно не ходил.

Это был благополучный район, через который они раньше ходили направляясь в центр, чтобы промышлять кражей чужих платежных чипов или грабежом.

Правда, последнее часто заканчивалось проблемами с полицией и тюрьмой. А кража карт в их среде считалась более квалифицированным ремеслом, ведь следовало не только стащить у владельца его накопительный чип, но и ухитриться скопировать его кодированные команды.

Для это требовалось дополнительное оборудование, которое изготавливали умельцы из соседнего с фабричным района.

Такие приборы стоили дорого, поэтому чаще их брали в аренду – за процент с добычи.

Но и этот промысел был рискованным и команды воришек часто меняли состав – одни попадались спецотделу полиции и шли в тюрьму, другие, подрастая, приходили им на смену.

Впрочем, тюремному заключению была альтернатива – служба в корпоративном охранном отряде, где-то на далекой планете с плохим климатом и местным населением представлявшим собой разбойничьи анклав.

Районы в которых высаживался десант горнодобытчиков местные считали своими территориями и требовали доли, бывало, что весьма немалой и тогда в дело вступала корпоративная охрана, куда набирались бескомпромиссные парни из городских банд.

Часто, многие из них потом просились обратно в тюрьму, не желая тянуть срок в таких условиях, однако всех держал контракт и жесточайшая дисциплина, ведь командиры отрядов имели неограниченную власть. Зато, подписавшим контракт вчерашним заключенным год засчитывали за три, да еще платили жалование.

– Эй, чувак, а ты не попутал место для прогулки?

Цирнон очнулся от своих мыслей и остановившись, увидел направлявшихся к нему четверых подростков. Он и не заметил, как миновал негласную границу фабричной окраины.

На улице было малоллюдно, вся жизнь здесь начиналась вечером, когда работяги возвращались с работы, а молодежь из центра города – с добычей.

Четверка молодых хищников приближалась. На поясе у одного Цирнон заметил полицейский парализатор – сильно потертый, но наверняка действующий.

– Ты чего молчишь? Тебе вопрос задали.

Цирнон вздохнул. Он чувствовал себя неловко. С одной стороны, это была его родина, он знал здесь каждый закоулок и каждый тупик, однако одежда на нем, неброская, но дорогая, выдавала в нем чужака. Здесь предпочитали шмотки подешевле и поярче.

– Могу дать пять квадров на «червивку», на большее не рассчитывайте, – сказал он.

– А чего так мало? – скривился тот, у которого был парализатор. – А почему не весь чип с входным паролем в качестве гарнира?

– Потому, что мне дешевле сказать Сони-Лобастому, чтобы он тебя на место поставил. Так проще будет.

– А ты Сони знаешь?

– Я понял кто это, Дейв, это богатый халдей из «золотой будки»! – заявил другой подросток. – Они с твоим братом и Микки-Кривым тут раньше дела крутили.

– А-а, – кивнул Дейв-владелец парализатора. – Я помню тебя. Только Сони нет, он сейчас на киче.

– Большой срок? – спросил Цирнон, больше из приличия. Он уже почти позабыл свою жизнь в районе.

– Восьмера. Думает соскочить на корпоративку. Через полгода можно будет.

– Понятно. Киннард еще держит тошниловку за поворотом?

– Держит. Только теперь у него там вышибала опасный. Чуть слово поперек и ты уже на асфальте.

– Разберусь. Пятерик мой нужен?

– Не нужен. Обойдемся.

– Ну, как знаете, – сказал Цирнон и пошел дальше, испытывая, к своей досаде, облегчение от того, что сэкономил на гордых подростках пять квадров.

Цирнон понимал, что при его теперешнем положении и доходах некрасиво быть таким жадным, но он ничего не мог с собой поделать, по крайней мере пока.

Он шел, смотрел по сторонам и видел, что по большому счету ничего не поменялось. Остовы разобранных автомобилей, угнанных из других районов, кучи мусора возле утилизаторов, которые сильно дымили, но служба ремонта опасалась отправлять бригады в плохой район.

Парочка торчков, с проводками на языках – любители самой дешевой электронной микстуры. Когда-то Цирнон сам с такой начинал.

Две мамы с колясками проводили его настороженными взглядами, проститутка на углу посмотрела оценивающе и сделала попытку приблизиться, но он прибавил шаг.

16

Заведение Киннарда нашлось на старом месте – в тупике, имевшем несколько выходов через заборы и лестницы на две крыши. Это на случай появления полиции.

Для облав они применяли разведывательные зонды и тайные команды копов, подъезжавших к месту на непримечательных стареньких фургонках. Потом разом атаковали, сметая вышибал и клали всех на пол. Однако, самые шустрые из завсегдаев умели уходить даже в таких, казалось бы безвыходных ситуациях.

Для этого и существовали секретные лазы в заборах и лестницы на чердак.

Едва выйдя из-за угла в тупик, Цирнон заметил изменения – площадка перед заведением была теперь вымощена плиткой, а напротив входа стояло с полдюжины дорогих авто, носивших следы индивидуального тюнинга с местной спецификой.

Закрытую дверь заведения подпирал здоровенный детина в майке-безрукавке, из которой торчали длинные, как рычаги руки с раскаченными бицепсами.

На его правом предплечье имелся иньектор для впрыскивая адреналинового коктейля, который делал этого здоровяка почти непобедимым.

Похоже он скучал, поскольку заметив приближение неизвестного сумел изобразить нечто вроде улыбки, обнажив, защищенные сетчатой капой, зубы.

«Война у них тут что ли?» – подумал Цирнон подходя ближе.

Прежде владелец заведения нанимал в вышибалы крепких драчунов, а не форсированных химией качков.

– Ты кто такой? Я тебя не знаю, – пророкотал вышибала и дернул головой, словно включая новый режим.

– Я тебя тоже не знаю, – ответил Цирнон останавливаясь и глядя на громилу снизу вверх.

– Я Тилли, я работаю у мистера Киннарда.

– А я пришел выпить в заведение мистера Киннарда.

– А ты не коп?

– А ты? – парировал Цирнон.

Вернувшись в свой район он сразу вспомнил все привычки и немотивированную дерзость, без которой здесь было не выжить.

Тилли задумался. День за днем он видел здесь одни и те же лица, а тут какое-то новое. Причем не в тонированных очках, ни за бронестеклом подозрительного авто, а вот так – среди бела дня.

– Если ты не коп, я тебя пропущу, но сначала подними руки – я должен тебя обыскать.

Цирнон повинился, хотя прежде здесь таких порядков не было. После чего он был пропущен внутрь заведения и спустившись по винтовой лестнице в подвал, немного постоял привыкая к полумраку.

Несмотря на дневное время было уже занято несколько столиков. За двумя шла игра в «брикет», за остальными пили и затягивались электронным «грэмом» – натуральным растительным наркотиком, действие которого усиливалось минигенераторами вставленными в специальные мундштуки.

Женщин за столами не было, но где-то из-за кулис небольшой сцены раздавались их голоса.

Вечером, обычно, здесь бывала небольшая развлекательная программа.

Решив, что пара лиц за одним из столов показалась ему знакомыми, Цирнон подошел ближе и остановившись в двух шагах от компании, подождал, пока на него обратят внимание.

– Чего-то морда у него знакомая... – первым заявил самый пьяный. – Но не вспомню его... Никак не вспомню...

– Это Ги-Попрыгун. По крайней мере, так его погоняли, когда я на казенные харчи переехал. Попрыгун, это ты или нет?

– Я, Бернارد, – кивнул Цирнон и взяв свободный стул от одного из столиков, присоединился к компании.

– А я его не знаю, – заметил еще один и икнул.

– Ты слишком старый, Слай, эти ребята выросли до своих первых сроков, пока ты свой длинный тянул.

– Ну... мне все равно интересно... Кто его родители?

– Мы в двадцать восьмом доме жили, перед прачечным автоматом, – напомнил Цирнон.

– А! Так ты сынок Дерека?

– Да.

– Сынок Дерека-Артиста! Я помню, как он поляну накрывал, когда ты родился... Да-а, были времена.

Слай улыбнулся демонстрируя отсутствие половины зубов.

– Ты, я слышал, хорошо поднялся, – сказал Бернارد, который выглядел самым трезвым за этим столом.

– Да, живу теперь в городе, – нехотя согласился Цирнон, прикидывая как лучше перевести разговор на нужную ему тему. – Ты сам-то давно вернулся?

– Третий месяц тут отмокаю, – сказал Бернارد сделав жест рукой в сторону сцены и, видимо, всего заведения.

– А на какие шиши? Со старого дела зачка была?

– Нет, зачки не было. Но был контракт. После пары лет за забором мы всей тюремной шоблой подали прошение на службу. И поехали.

– Прямо все? Говорят не всех берут.

– Почти всех, кроме нескольких инвалидов. Правда в разные команды. Тех, кто поздравнее, взяли на самые денежные позиции, другие пошли на места подешевле.

Послышался женский смех и из-за кулис выглянула одна из местных «артисток». И тут же скрылась.

– Бабы, – с неопределенной интонацией произнес Слай и налил себе из бутылки с дешевым алкоголем. Другая, с выпивкой подороже, стояла ближе к Бернardu.

– И сколько ты прослужил?

– Семь лет.

– Так много? – удивился Цирнон. – Там же «один к трем», говорят!

– Да, я закрыл свой срок через три года, но потом начальство сделало мне новое предложение. Оставайся, говорят, еще на срок сержантом. Оклад – втрое больше. Я подумал, да и решил, что это хорошая мысль. Тем более, что уже и льготы всякие пошли, и в городок можно было выезжать в выходные.

– Там были города?

– Скорее большие опорные пункты. Но со всем городским профитом – бухлом, казино и борделями.

– Земляки там были?

– Да, сначала нас было пятеро из города. И еще четверо с пригорода. Резкие ребята. Но потом все закончилось.

– Их убили?

– Нет, выбыли по ранениям. Но не факт, что это лучше.

– Почему?

– Там очень странная война и странное оружие. Местные используют какие-то яды с «элементами генетической деструкции». Это мне док местный говорил. Результаты даже лег-

кого ранения могут быть фатальными. Поэтому там все постоянно жрут «форматор». Каждый день. Чтобы у врачей был хотя бы шанс помочь раненому.

Бернард сделал перерыв и налил себе дорогой выпивки. Слай налил себе своей и они одновременно выпили.

– Есть работа, – сказал Цирнон негромко.

– Говори, эти ребята все равно через полчаса все забудут, – заверил Бернард.

– Ну, как хочешь. Нужно с одним человечком плотно поработать.

– Закрывать вопрос?

– Не совсем. Это было бы слишком громко, а мне нужно, чтобы он не мешался под ногами. Не более.

– Как долго он должен не мешаться?

– Если рожу сильно помять и поломать конечности, это тот самый результат.

– То есть – на полгода в больницу?

– Да, как-то так.

– Сколько платишь?

– А сколько надо?

– Если бы просто завалить – хватило бы пары штук. А ты просишь о тонкой работе, в которой должны участвовать еще, хотя бы пара человек.

– Чего им там делать? – начал жадничать Цирнон.

– Ну, за простого работягу ты бы тут песни не пел, правильно? Значит будет что-то типа охраны.

– Только шофер. Но он подвозит прямо к воротам, поэтому нужно будет зайти в дом ночью с черного хода. Это я обеспечу.

– Вот! – сказал Бернард, жестом акцентируя внимание на сказанном. – Значит нужен человек для замков и на шухере постоять. Вот тебе и еще двое.

– Ну, ладно. Сколько?

– Пять на всех.

– Три на всех.

– Давай четыре – и сговорились.

– Три пятьсот.

– Когда нужно сделать?

– Я могу устроить вам подход в любую из ближайших ночей.

– Он ночует на одном месте? – уточнил Бернард.

– Да, много работает и ему не до гулянок.

– Уважаю я таких людей, хотя сам другой. Под какую тему косить будем? Нельзя же показывать, что мы его по заказу гасить будем.

– Нельзя. Оформляйте, как ограбление, это самое простое. Хотя взять там особенно нечего. Деньги у него на чипе, часы – я видел, так себе машинка. А имущество в номере все казенное – от компании. ТВ-бокс дорогой, но очень большой, его не утащить.

– Можно просто навести бардак, дескать искали чего-то, но видимо ошиблись с адресом. Такое бывает.

– Да, бывает, – с готовностью согласился Цирнон, который в юности не раз попадал в такие ситуации, когда наводка не подтверждалась и они, от злости, просто избивали хозяев бедного дома, а если не было хозяев, то нападали на первого встречного на улице.

– Тогда давай задаток и прямо сегодня ночью все провернем.

– С задатком не проблема, но может лучше завтра? Чтобы подготовиться как следует?

– А чего там готовиться? Мы же не банковское хранилище брать собираемся. Я возьму Леннарта и Косматого. Помнишь их?

Цирнон кивнул. Лет десять назад они навели ужас даже на местных. И если они хоть в половину так же страшны, как раньше, он «клиенту» не завидовал.

– А они в порядке?

– Пока в порядке. Поэтому я и хочу с этим не тянуть – скоро у обоих заканчивается трезвый период и тогда придется искать других.

– То есть, они могут даже завтра вштыриться?

– Могут. А поскольку они по любому вштырятся, то пусть это сделают после работы, тогда в ближайшие три месяца они нигде не ляпнут лишнего. А к тому времени у копов все хвосты остынут. Так что тянуть не нужно.

– Ладно, тогда давай отъедем. Я тебе налик отдам.

– Давай, – согласился Бернارد, поднимаясь. Заметив его движение Слай и двое других, растерянно вертя головами, тоже стали подниматься, но Бернارد махнул рукой, дескать, оставайтесь. Потом поймал взгляд бармена и указав на свой стол, кивнул, давая понять, чтобы пошло оставшихся камрадов записали на его счет.

А Цирнон подумал, что у Бернарда не так уж и плохо с деньгами, раз угощает.

17

Улицы за окном автомобиля погружались в темноту. Головин сидел погружившись в мягкие подушки сидений и уже дремал.

Закончен еще один день напряженной работы. С новыми повышенными ставками, премиями и прочими бонусами. Но как же тяжело это давалось, как изматывало.

Прежде он и не представлял, как трудно работать с клиентами.

Тем более, богатыми и очень богатыми. Это работа отнимала у него больше сил, чем отнимала когда-то учеба в навигаторской школе.

Там ему приходилось принимать стимуляторы, чтобы освоить почти невозможные к запоминанию большие массивы информации, но похоже и здесь помощь таблеток у него впереди. Каждый вечер он возвращался с ощущением еще большей внутренней пустоты, чем накануне.

Не радовал даже просмотр отчетов об увеличении банковского счета.

Обычно он просматривал сообщение о новых поступлениях перед сном, но вчера не стал этого делать, потому, что это его уже не цепляло.

Рита говорила, что возможен переход на более щадящий график, однако рекомендовала отложить этот вариант на, как можно дальний срок.

– Гроби деньги, пока есть такая возможность, Марк. Жизнь, она полосатая и к тому времени, когда наступит черная полоса у тебя должен быть запас, которые прокормит тебя до следующей полосы удачи.

Что ж, очень даже мудрые слова. Головин был с ней согласен, тем более, что док Моравский, который был закреплен за новой восходящей звездой доставки, дал ему коробочку с поддерживающими капсулами. Правда, пока Марк просто носил их в кармане и не принимал, полагая, что такой момент еще не наступил.

– Мистер Головин, мы приехали!

– А? Что? – очнулся ото сна Марк. Он, таки, уснул на заднем сидении убаюканный плавной ездой машины. Это же не доставочная капсула, которую трясло на каждом повороте.

– Хотите я провожу вас до двери? – любезно предложил водитель, который также исполнял роль телохранителя.

– Спасибо, но тут всего пару шагов. Я сам, – сказал Головин и выбрался из салона через дверцу, которая открылась автоматически.

– До завтра, мистер Головин!

– До завтра, Пауль.

Марк коснулся ладонью контрольной панели и массивная кованая калитка открылась, но пропустив жильца, тотчас лязгнула замками. По периметру ограждения пробежала цепочка сигнальных огоньков охранной системы.

Поначалу Головина очень занимала эта иллюминация, но теперь он привык, ведь жил в городе уже почти месяц, а в этом доме – три недели.

Не дойдя до крыльца, он поднял голову. На четвертом этаже у кого-то в студии горел свет. Еще несколько окон светились в других квартирах.

Головин здесь почти никого не знал, потому что возвращался поздно. Правда, Рита и пара других важных персон компании, приходили и вовсе полночь. Такая у них была работа. А вот доставщики из «звездной» категории – все кроме Марка, работали на три четыре часа меньше.

Головину объяснили, что так бывало со всеми «остывшими звездами». Сначала они в работе по двенадцать часов, а спустя полгода ажиотаж среди клиентов спадал и доставщик из супервостребованного превращался просто в популярного.

Денег при этом платили заметно меньше, зато и свободного времени становилось больше. И можно было участвовать в сторонних рекламных мероприятиях – «остывшим звездам» это позволялось.

Головин вошел в подъезд, кивнул сидевшему за пультом охраннику, а тот кивнул в ответ.

Жилец прошел к лифту и шагнул в кабину, створки закрылись и она стала подниматься на третий этаж, а охранник коснулся радиоклипсы на воротнике и негромко произнес:

– Внимание, объект пошел к тебе.

– Принято, – ответили ему.

Тем временем, прислонившись лбом к окну неосвещенной студии на четвертом этаже, Цирнон следил за приездом Головина. И как только тот вошел в подъезд, наблюдатель перебежал к входной двери и стал прислушиваться, как идет лифт. Едва кабина остановилась на третьем, Цирнон шмыгнул к двери «черного хода» и выскользнув на лестницу, побежал вниз, сжимая в руке аварийный ключ.

Он надел мягкие туфли, чтобы не было слышно шагов, но от волнения дышал так громко, что ему пришлось притормозить на уровне второго этажа и перевести дух.

Вот, наконец, и шершавый металл грубо покрашенной двери «черного хода». Здесь все было попроще, полировка и натуральное дерево достались парадному входу.

Цирнон приложил ключ к панели и толкнул дверь. Внутри неслышно проскользнули Бернارد и с ним двое.

– Третий этаж, апартаменты «ЗБ». Он уже дома.

– Охрана не услышит?

– Если не будет криков, никто ничего не услышит, – заверил Цирнон и развернувшись стал подниматься по лестнице, а за ним и трое наемников с обрезками арматурного железа.

Когда все четверо оказались на площадке третьего этажа, Цирнон негромко спросил:

– Сами справитесь?

– Справимся, – заверил его Бернارد и поудобнее перехватив обрезок арматуры, первым вышел с черной лестнице в коридор.

За ним последовали двое его подельников с такими свирепыми лицами, что Цирнон предпочел на них не смотреть.

Он постоял еще пару секунд, прислушиваясь к звукам в коридоре, а потом торопливо затрусил вверх по лестнице, чтобы скорее оказаться дома.

На третьем этаже царил полумрак, работало только дежурное освещение, в то время, как основное должно было включиться лишь на звук шагов. Но наемники передвигались, едва слышно и датчики все никак не срабатывали. Это троиме громил оказалось на руку.

Номера апартаментов высвечивались четко и вскоре все трое остановились напротив нужной двери.

Один из них – ответственный за вскрытие замка, сделал шаг вперед и уловив этот звук, датчики наконец сработали, залил весь коридор ярким светом, который выхватил из полумрака человека, стоявшего у этой же двери, но на пару шагов дальше.

Бернارد только подумал, чтобы врезать ему арматурой, как был сражен молниеносным ударом и отлетел в сторону. Его коллеги продержались на полсекунды дольше, но затем также растянулись на полу, а их дубинки приглушенно звякнув, покатались по плитке из искусственного мрамора.

Бросив взгляд на лежавших на полу налетчиков, незнакомец поспешил к лифтовому холлу, на ходу связываясь с напарником:

– Ник, мы сворачиваемся.

– Принято, – ответил тот, понимая, что все объяснения – потом.

Затем встал из-за пульта и сняв форменную фуражку, приладил на голову лежавшему под столом обездвиженному охраннику.

Тот должен был очнуться через полчаса.

Открылись створки лифта и вышел напарник. Он оказался «пустой», но и так было понятно, что операция пошла не по плану.

Они вышли из здания, быстро добрались до калитки и открыв замок фальшивым пропуском, оказались на свободе.

Пришло время отчетов и объяснений, которых от них ожидало начальство.

18

Охранное агентство «Корона» было одним из десятка других агентств города и с виду ничем не отличалось от своих конкурентов. Однако, лишь в «Короне» существовал отдел, наличие которого никак не афишировалось.

Отдел состоял из специалистов высокой квалификации, как правило – ветеранов специальных служб и сопроводительных отрядов, очень популярных в малонаселенных территориях на которых производилась добыча полезных ископаемых.

Клиентов этот отдел принимал только по рекомендации, цены за его услуги были чрезвычайно высоки и вопросы сотрудникам этого отдела приходилось решать очень важные, уходящие корнями в экономические и даже политические противостояния.

Ник и Лиам уже пару лет работали в отделе и успешно справлялись со многими деликатными и опасными заданиями, но в этот раз им не повезло.

– Сэр, они появились из темноты совершенно неожиданно и их интересовал тот объект, что и нас, – держал отчет Ник.

– Что за кадры?

– Сплющенные лица в шрамах. Так выглядят типичные участники тюремных стычек. Из оружия у них были только куски арматуры обмотанные пластиком.

– Значит глушить собирались основательно, – заметил начальник и достав из ящика стола носовой платок, провел им по лысой голове.

Это было нечто вроде нервного тика, оставшегося в память о пережитых событиях. Время от времени, начальнику отдела Фрейзеру казалось, что ему на голову капает сок голубой гарнации и он его нервно стирал.

Это была одна из самых эффективных попыток в джунглях Северной Инглезии, где он защищал интересы горнорудных компаний.

Он был захвачен разгромившими конвой местными бандитами и от него требовали пароль, которым был заперт восьмитонный суперсейф.

Никакого пароля Фрейзер не знал, однако не говорил об этом, иначе бы от него сразу избавились. А так он продержался почти восемь часов, был спасен прибывшем на дискораме подкреплением и в бессознательном состоянии доставлен в госпиталь.

– Да, сэр, шутить с ним не собирались, – поддержал начальника Лиам.

– Может он задолжал бандитам? – предположил Ник.

– Мы ничего не знаем и это очень плохо. Страдает наша репутация.

– Сэр, мы исправимся. Нам сегодня просто не повезло.

– Главное, чтобы про эту неудачу не узнал клиент, – со вздохом произнес Фрейзер. – Такие парни очень эмоциональны.

– Простите мое любопытство, сэр. Какие парни?

– Клиенты из центральных районов обитаемой зоны. Там, где много университетов, театров и где все разговаривают широко раскрыв рот. Это шутка, конечно. Но я наводил справки об этом заказчике. Если ему покажется, что мы недостаточно ответственно отнеслись к заданию, он может начать вендетту.

– Даже так? – слегка удивился Ник и ровнее сел в гостевом кресле.

– А ты забыл ситуацию с заказом «морской окунь»? – спросил начальник отдела.

Ник кивнул. Это было похоже на настоящую войну и если бы не удачная операция по дезинформации, весь персонал агентства могли зачистить. Хорошо, что сработали связи начальства в его бывшей конторе. Это и спасло ситуацию.

А потом, те же связи помогли в переговорах с обиженным клиентом, которого оскорбило не отношение подрядчиков, а сами результаты оплаченного им расследования. Они стали для него полной неожиданностью.

– Значит, продолжаем решать задачу. Помните, что является главной целью?

– Да, сэр. Некий прибор – джестификатор. Размер не меньше школьного ранца. Но хорошо бы получить еще какие-то вводные. Одного размера мало.

– Ну, если бы все было так просто, клиент обошелся бы своими силами. То, что он сумел вычислить этого субъекта с такой дистанции – уже неплохо. Но если вы легонько на этого парня надавите, он, я полагаю, сам расскажет, где этот прибор. Если на месте прибора не окажется, доставите его сюда и тут с помощью наших продвинутых коллег, мы сумеем получить от него нужную информацию.

– Сэр, нам бы еще одного человека для наружного наблюдения. И пару машин свежих.

– Трикса знаете?

Напарники переглянулись.

– Это такой конопатый? – уточнил Лиам.

– Не сильно конопатый, чтобы бросаться в глаза, но да, есть такая особенность. Он у нас только полгода, пока ходит в кандидатах, но по улице работает грамотно. Даже, бывает, видит то, что не видят другие профессионалы. Так что цепляйте его к себе. А машин из гаража можете взять даже три свежих. Я распоряжусь. Тут экономить нельзя, заказчик платит охотно, но и требует.

Начальник вздохнул и взглянув на часы, сказал:

– Ну, если вопросов больше нет, можете быть свободны.

19

Во второй половине дня на серверном узле компании случился сбой и все послеобеденное расписание рухнуло.

В администрации начался хаос, офисы затрясло, посыпались жалобы клиентов. Но Головина это не огорчило, ведь благодаря сбою у него появилось какое-то подобие выходного. Пусть и неполного.

Прямо из парка курьерских капсул он вышел на улицу и сощурившись на солнце, улыбнулся. Потом огляделся и двинулся вдоль тротуара безо всякой цели.

Головин смотрел на вывески, яркие витрины, девушек с короткими по местной моде прическами.

Обращал внимание на проезжавшие по улице автомобили, сопоставляя сами авто с лицами их владельцев.

Это занятие показалось ему занятным и он прошел так метров двести, пока его внимание не было привлечено световыми бликами от небоскребов в районе делового Сити.

Головин подумал, что еще не бывал в том район и решительно перейдя улицу, зашагал к возвышающимся впереди башням.

Когда-то давно, еще в детстве он вместе с отцом посещал смотровую площадку на вершине высотного здания. Головин решил найти такой же аттракцион и вспомнить те яркие ощущения, что получил в детстве.

Внезапно Марк почувствовал на себе неприветливый взгляд какой-то женщины, что шла ему навстречу. Но он дистанцировался от беспокоящего ощущения и снова стал смотреть на прекрасные серебристые башни.

Наверняка где-то наверху имелся ресторан. Хорошо бы посидеть в нем и понаблюдать за жизнью города. Как там – далеко внизу торопятся и суетятся люди, как проносятся похожие на жучков машины.

Решено, нужно искать ресторан на крыше.

И снова Головину показалось, что на него смотрят с неприязнью. На этот раз высокий господин с бородкой и портфелем.

– Да что не так-то? – негромко произнес Головин и остановившись посмотрел в одну из витрин.

Да, одежда на нем выглядела слишком кричаще, ведь выбирали ее специалисты рекламного отдела. Головин являлся «звездой» компании и должен был выглядеть особенно и дорого. Последнее, видимо, и раздражало обычных жителей города.

Следовало бы, конечно, переодеться во что-то попроще, но пока он сматается домой, а потом вернется к Сити, половина короткого выходного закончится.

– Так пойду, – решил Марк и поправив воротник рубашки, заметил на другой стороне улицы человека, бросившего на него короткий взгляд.

Тот пошел своей дорогой, но Головин снова испытал чувство беспокойства.

Остановившись, он посмотрел вслед незнакомцу, но тот шел не оборачиваясь. Тем не менее Марк отметил его напряженную позу.

Пара камер на фасадах тоже выглядели подозрительно. Головину показалось, что они следили именно за ним.

– Да ну, чепуха, – подбодрил он себя и скорее зашагал в направлении небоскребов. Он прошел перекресток и оказался в оживленном районе, где было больше туристов, которые более терпимо относились к внешнему виду Головина.

Правда, движение транспорта здесь тоже было, куда более интенсивное. Туристические кэбы с остекленными кузовами, развозные фургоны кондитерских лавок, роботизированные кар-треки посланные на дозаправку автоматов по торговле бутербродами.

Они аккуратно лавировали между людьми в пешеходной зоне и паркуясь кормой к загрузочным блокам автоматов, с негромким жужжанием набивали опустевшие обоймы новыми рядами упакованных в экопластик бутербродов.

Сама по себе, эта обычная операция лучше любой рекламы привлекала внимание публики к торговым автоматам.

Головину тоже захотелось купить бутерброд, тем более, что они на яркой витрине выглядели весьма аппетитно.

– Привет! – произнесла блондинка лет шестнадцати, преграждая Головину дорогу.

– Э... привет, – произнес озадаченный Головин.

До только что перезаряженного торгового автомата оставалось каких-то десять шагов и к нему еще не набежали туристы.

– Я Трейси!

– Привет, Трейси. Хочешь бутерброд? Я угощаю.

– Давай, – согласилась она, пропуская Головина к автомату, где уже собралась очередь из трех человек.

– А я тебя знаю! Ты Гармис из «Шинкаренко-фудс»!

– Нет, вы ошиблись. Я... Я другой, – сказал Марк. Отказываться от «Шинкаренко-фудс» он не стал.

– Ну, как же, вот тут тебя называют Гармисом! Смотри!

Трейси сунула Головину под нос свой войсбук на экране которого понеслась какая-то левая реклама и появился улыбающийся Марк, со своей коронной фразой: боуэнти мантифада.

– Да это левак! – возмутился он. Налицо было воровство лицензионного образа, права на который полностью принадлежали «Шинкаренко-фудс».

Кто-то продал пиратам материал компании, а те сунули Марка в свою рекламу, да еще назвали каким-то Гармисом.

Ему захотелось прямо сейчас связаться со службой безопасности компании, чтобы заявить о проблеме.

– Ладно, не парься, извини, что расстроила тебя, – сказала девушка положив Головину руку на плечо. – Я хочу вон тот – двойной «грокс». Купишь мне?

– Куплю конечно, – согласился Головин, только сейчас заметив какие у девушки красивые ноги. И грудь. Грудь тоже была красивой.

– Отлично! А потом куда пойдём? – спросила Трейси, становясь к нему ближе.

– Там видно будет, – с неопределенной интонацией ответил Головин и коснувшись на экране выбранных позиций, увидел в персональном окне вопрос – готов ли он оплатить, как пользователь счета такого-то.

Система опознала его и было достаточно кивнуть, если он согласен или проделать всю процедуру прикладыванием банковского чипа к приемному устройству.

Головин коротко кивнул и транзакция состоялась. Упакованные в розовую прозрачную сумочку бутерброды выпали на предметный столик. Но не спел Головин среагировать, как Трейси подхватила их и смеясь побежала к перекрестку.

Головин, вздохнув, направился следом. Самым правильным было бы идти к башням – до них оставалось совсем немного, но Трейси его уже заинтересовала и где-то даже взволновала. Она действительно была очень даже ничего. Да что там ничего? Трейси была красоткой.

Когда Головин подошел к ней, девушка стояла на обочине, улыбаясь и дразня его сумочкой с бутербродами.

– Я уже почти влюбилась в тебя, – сообщила она обняв его свободной рукой за шею.

В этот момент позади нее вплотную притормозил городской фургон. Его дверца откатилась в сторону и сильные руки втащили девушку внутрь салона, а она, в свою очередь, потянула за собой Головина, которого тотчас подхватили и швырнули на пол.

Машина резко стартовала, дверь под действие рывка с грохотом захлопнулась и увидев выражение лица Марка, Трейси громко расхохоталась.

– Что, ублюдок, удивлен? – спросил здоровенный парень, который и втаскивал его внутрь фургона. – Тебе привет от Генеральной компании. Помнишь такую?

С этими словами он ткнул Головина под ребра носком ботинка.

– Ладно, Виргит, приятно вас видеть, но я свою часть выполнила – давай бабло и я соскакиваю, – сказала девица уже без прежнего мёда в голосе и Головину, морщившемуся от болезненного удара, показалось, что на самом-то деле ей лет двадцать пять, а вовсе не шестнадцать, как показалось сначала.

– Сейчас, что ли? Подожди, доберемся до офиса, там и расплатимся, – сказал здоровяк, которого Трейси назвала Виргитом.

– Нет, мы договаривались о расчете на месте. Давай сюда наличность и я сойду! У меня еще полно дел сегодня, ну!

Девица требовательно протянула руку, давая понять, что желает расчета немедленно.

Виргит с напарником переглянулись и девица это заметила, она рванулась к двери и резко распахнув ее, вывалилась на дорогу. Пущенные вслед пули лишь пробили дверь и разнесли пару плиток на тротуаре.

– Почему ты медлил, Яцек?! – возмутился Виргит.

– Я не ожидал, что она окажется такой шустрой! – пожал плечами напарник, убирая пистолет в наплечную кобуру.

– Что мы скажем нашему дракону?

– Так и скажем – что-то почувствовала и метнулась из машины, прямо на ходу. Скажем, что достанем её в больнице, она ведь туда стопудово попадет! Прыгать на такой скорости!

– Чего там было, кто-то выпрыгнул, что ли? – спросил высунувшись из кабины водитель.

– Вот тормоз, – усмехнулся Виргит. А Яцек махнул рукой и сказал:

– Все в порядке, комрад, спи дальше!

– А ты, ублюдок, давай сюда руки, если хочешь сесть, а не валяться тут всю дорогу.

Головин протянул руки и их тут же стянули магнитными наручниками. После чего Виргит схватил его за предплечье и рывком перебросил на сиденье, где совсем недавно сидела и смеялась Трейси.

– А куда мы едем? – рискнул спросить Головин.

– Туда, где с тобой поговорят, как надо. Как ты того заслуживаешь, – с усмешкой произнес Виргит, а Яцек коротко хохотнул.

– Может мы сможем как-то договориться? У меня есть деньги. Двадцать тысяч могу перевести на ваш счет.

– Поздно метаться, скажи лучше куда подевал джестификатор?

– А что это такое?

– Щас как врежу!

Виргит замахнулся и Головин зажмурился ожидая удара, но ничего не произошло. Только фургон подпрыгнул на какой-то ухабе и Яцек принялся ругать водителя.

– Я не виноват! Тут пластобетон вздыбился после ремонта! Вчера проезжал все было в порядке!

– Яцек, не трогай его, а то он как в прошлый раз в отбойник въедет. Лучше выведи на планшет схему «медикара». Нужно посмотреть, куда эта стерва коленки заклеивать побежит... Да, урод!?

Последние слова адресовались Головину и он стал смотреть под ноги, на подрагивающий пол фургона.

То, что его, так издалека смогла достать Генеральная компания, не сулила ничего хорошего, ведь не за ботиночную же лицензию его преследуют? Трудно даже представить во сколько обошлись компании его поиски. Значит дело в этом, как его, джестификаторе? Что за слово-то такое? Знать бы, что оно означает.

– Вот она, эта сеть, – сказал Яцек протягивая напарнику планшет. Виргит взял его и принялся водить по экрану пальцем.

– Только не годится это, – добавил Яцек.

– Чего не годится?

– Не пойдет она ни в какую больницу – тоже не вчера родилась.

– А вот это будет очень хреново, – сказал Виргит опуская планшет. – Дракон сказал – все хвосты обрубить.

– Что же делать?

– Скажем, что достанем её по-любому. А потом будем что-то делать.

Фургон снова крепко тряхнуло, но в этот раз на это не обратили внимание.

– Так вы, парни, из Генеральной компании? – снова решился на вопрос Головин.

– Если не хочешь сказать, где джестификатор, то рот лишний раз не раскрывай, – посоветовал Виргит, подкрепляя сказанное весьма характерной мимикой.

– Да, парень, мы и так из-за тебя влетели, так что лучше помолчи, – сказал Яцек. – Нас просто наняли из Генеральной компании, сами то мы местные.

– Эй, ты зачем ему все это рассказываешь, а!? – возмутился Виргит.

– Братва, мы объездной поедem или напрямик? – спросил вдруг выглянувший из кабины водитель.

– А какая разница? – зло отозвался Виргит.

– Напрямик быстрее, но копов больше, чем на окружной.

– А чего нам копы? Документы у тебя в порядке, на оружие у нас разрешение. А этот... – Виргит выразительно посмотрел на пленника. – Если спросят, скажем взяли воришку по заказу клиента. У нас по закону два часа до передачи преступника полиции. Так что проскочим.

– А дырки в двери ты как объяснять будешь? – не удержался от язвительного замечания Головин.

Виргит покосился на дверь с тремя пробоинами потом зыркнул на Головина и сказал, обращаясь к водителю:

– Давай в объезд, лишние вопросы нам ни к чему.

И они поехали в объезд.

Машина двигалась неровно – кренилась в поворотах, то разгонялась, то притормаживала и по нервному поведению своих конвоиров Головин понимал, что движение на дороге плотное и возможно у него появится шанс выскочить из фургона и поднять шум.

Но как это сделать быстро? Трейси или кем она была на самом деле, провернула это лихо. Однако, ей угрожала реальная опасность, а вот ему – еще неизвестно.

Эх, знать бы, что за прибор они ищут и почему привязались именно к нему?

Головин вздохнул.

– Даже не думай, парень, – предупредил его Виргит. – Со связанными руками тебе такой фокус не повернуть. Сиди, через сорок минут будем на месте и там с тебя снимут наручники.

– А еще – шкуру! – пошутил Яцек и зашелся лающим смехом.

В этот момент на рацию Виргиту пришел сигнал. Он коснулся клипсы на воротнике и ответил:

– Да, сэр, он у нас... С этим не так хорошо, но у нас есть ее адрес... Понял, сейчас будем. Закончив разговор, он крикнул:

- Рулевой, правь на площадку к ангарам, наш офис туда переехал!
- Понял! – отозвался водитель.
- И когда они успели, – покачал головой Яцек.
- Чего, небось у тебя там записка где-то осталась? – угадал Виргит.
- Яцек вздохнул, а его напарник, продолжая улыбаться, повернулся к Головину.
- Ну вот, считай приехали. Тут всего-то пару километров осталось. Так что считай минуты, клиент.
- Клиент-пациент! – снова пошутил Яцек и засмеялся своей шутке.

20

Спустя четверть часа фургон остановился. Простреленная дверца отъехала и Головин увидел лысоватого человека в костюме от «Эрвольда Лари».

Яцек с Виргитом тотчас вскочили, согнувшись в невысоком фургоне, а лысоватый господин с брезгливой grimасой посмотрел на пленника с одной стороны, потом сделал шаг и склонив голову взглянул с другой, словно оценивая кусок мяса.

– Давай его в операторскую, – сказал он и Головин подумал, что тот обращается к кому-то из конвоиров. Однако, те остались стоять в согнутом положении, а пленника вытащили из фургона двое рыжебородых качков, от которых пахло «триллом» – стимулятором мышечной активности.

На поясах у них висели крупнокалиберные пистолеты-пулеметы и виброножи. Головин изучал такие в навигаторской школе. Они входили в аварийный комплект выживания.

Сопровождая пленника, новые конвоиры придерживали ему затылок так, чтобы он мог смотреть только себе под ноги, однако боковым зрением Головин сумел разглядеть высокую сплошную ограду и пару ангаров.

А еще вооруженных солдат, десятка три, если не больше. Они стояли на всех углах, разбирали какие-то ящики с оборудованием и крепили на крышах антенны и приемные модули скоростной радиосвязи.

А когда его заводили в ангар, он успел заметить показавшегося из-за угла шагающего робота, почти такого же, каких он видел у Профессора в его безумной коллекции. Однако, там машины носили яркие ливреи отдельных армий и родов войск, а этот робот был серо-зеленого цвета.

Внутри просторного ангара с полами из пыльного пластобетона, находилось около десятка вагончиков, соединенных в единое целое с помощью гофрированных рукавов-переходов.

Лысоватый господин шел впереди не оглядываясь, а двое рыжебородых молча сопровождали пленника.

Головин прикинул, что всего в паре сотен метров отсюда гудела восьмиполосная городская магистраль, а тут, в некоем подобии локальной промзоны, скрывалась целая компактная армия.

Хорошо бы сообщить об этом полиции, хотя, возможно, у этих ребят имелись разрешения на охранную деятельность, ношение оружия и, возможно, владение тяжелой боевой техникой, вроде шагающих машин.

Конвоирование пленника, наконец, закончилось в просторной комнате без окон, но хорошо освещенной распределенным светом от дорогих светильников, вмонтированных в потолок и стены.

Лысоватый господин сел в кресло, стоявшее посреди комнаты, а Головина посадили на жесткий, привинченный к полу стул.

Он протянул руки, намекая, что пора снять наручники, ведь бежать тут некуда, но его немая просьба осталась без внимания.

Лысоватый сидел в кресле, положив ногу на ногу и пристально смотрел на Головина, а тот, в свою очередь, тоже разглядывал незнакомца. Двое рыжебородых страховали, стоя по обе стороны от пленника, а где-то за пределами этой резиденции, надсадно жужжала лазерная пила.

– Марк Головин, я не ошибаюсь? – нарушил молчание лысоватый господин.

– Да, а вы кто?

– Я Миллер.

– Почему ваши люди схватили меня, господин Миллер?
– У меня обязательства перед Генеральной компанией и пока ее эмиссары добираются до нас, мне поручено провести с вами беседу.

– А можно снять наручники?

– Можно, – кивнул Миллер, после чего один из конвоиров касанием ключа снял с запястий Головина магнитные путы.

– Большое спасибо, господин Миллер, – поблагодарил тот. – Задавайте вопросы, я с удовольствием на них отвечу.

– Где джестификатор, Марк, которым ты пользовался для выявления в программном коде неявных меток?

– Чего? – переспросил Головин не сумев уловить смысл услышанного.

– Я повторяю тебе слово в слово, как задано заказчиком.

– Знаете, господин Миллер, название этого прибора я пару раз слышал только от представителей Генеральной компании. А вот про неявные эти самые...

– Метки.

– Да, метки. Про них впервые слышу от вас.

Видно было, что хозяин слегка озадачен. Ему показалось, что пленник совершенно искренен, но заказчик требовал сведений, поэтому господин Миллер дал знак и еще один человек выкатил стойку с какой-то аппаратурой со множеством проводов, зажимов и датчиков с присосками.

– Сейчас мы присоединим вас к нашему модулю правды, Марк, и вы снова ответите на вопросы. Это практически безболезненно.

– Я согласен, если это так важно, – сказал Головин, хотя и понимал, что его согласия тут не требовалось.

Прикативший стойку сотрудник тотчас принялся крепить на Головина все эти снасти, смазывая лицо и лоб пленника какой-то жирной смазкой, запах которой заставлял Марка морщиться.

– Пожалуйста, господин Головин, оставьте ваше лицо расслабленным, иначе я не смогу правильно разместить считывающие устройства, – сказал служащий и Головин приложил все силы, чтобы не гримасничать.

Правда, для этого пришлось не дышать, поскольку жирная смазка имела тошнотворный запах.

Наконец, когда все было закончено, Головин обнаружил, что почти ничего не видит из-за нагромождений датчиков на своем лице, и плохо слышит, что говорит Миллер.

А еще ему было трудно отвечать из-за стянутого присосками лица.

Миллер задал ему какой-то вопрос и Головин попросил повторить, но тот, в свою очередь, тоже не расслышал, что сказал пленник, однако на мониторах спецаппаратуры появилось сообщение о правдивом ответе на вопрос.

Миллер задал следующий вопрос, а Головин опять переспросил его и добавил, что он ничего не слышит. Прибор честно просканировал параметры пленника и отметил, что он снова ответил искренне.

– Отлично, парень! Так мы быстро выйдем на результат! – услышал наконец Головин, а потом снова началось невнятное бормотание.

Он уже хотел сорвать с себя эти снасти и объяснить Миллеру, что у них возникло недопонимание и этот допрос превратился в идиотский спектакль, но в этот момент, стены наружного ангара сотрясло от мощного удара, от чего по контрольным экранам побежали полосы.

– Джус! – крикнул Миллер, вскакивая с кресла и делая указывающий жест. Один из рыжебородый сорвался с места и побежал к выходу, чтобы узнать, что происходило снаружи в

ангаре. Но он не успел ничего выяснить, поскольку раздался хлопок и Джус, вертясь в воздухе, пролетел через половину помещения и рухнул у стола со стопками документации.

Коробки накренились и стали валиться, а Головин наблюдал за этим словно в ролике с замедленным воспроизведением.

Коробки падали, из них вылетали листы твердых копий, какие-то карандаши, фломастеры, боксы с разноцветными стикерами и магнитными зажимами.

Раздался новый хлопок и второй рыжебородый, улетел дальше первого, докатившись почти до стены.

Тут загрохотал короткоствольный автомат, невесть откуда выхваченный Миллером. Он пытался к запасному выходу и поливал огнем прорвавшихся захватчиков.

Головин бросился на пол и стал отползать в сторону, чтобы не оказаться под перекрестным огнем. Бросив по пути взгляд на вход в помещение он испытал дежавю – оттуда наступали штурмовики, похожие на солдат атаковавших станцию, на которой он когда-то спасался.

Они вели ответный огонь по Миллеру и по выскочившим ему на подмогу бойцам.

Пули плющились о бронезащиту атаковавших, не причиняя им вреда, однако сбивая им прицел и не давая возможности стрелять точнее из устройств похожих на небольшие бочонки.

Головин решил, что это волновое гравитационное оружие, поскольку после выстрелов, вторичные волны разбрасывали коробки, бумагу и даже тюки с какой-то одеждой в дальнем углу помещения.

Там, где этим волнам ничего не попадалось на пути, они оставляли вмятины в стенах, а когда пара выстрелов приходилась на одно место, образовывался пролом.

Стойка с аппаратурой упала, а ее оператор несколько раз пытался убежать, но беднягу сбивали отраженные волны, швыряя из стороны в сторону и вырывая клочья из его синего халата.

Обеим сторонам в сражении активно поступало подкрепление, и казалось бою не будет конца. Но едва Головин подумал, как ему вырваться из этого пекла, очередной волновой удар вышиб наружную стену и частично отраженной волной, Марка выбросило из разрушенной постройки под крышу изрядно поврежденного ангара.

Оказалось, что и здесь вовсю шло сражение, но оружие применялось более тяжелое.

В стенах и потолке зияли огромные пробоины, местами еще дымившиеся. Возле дальней стены горела лежавшая на боку шагающая машина.

Еще две таких же, носились вокруг малой постройки и били из автоматических пушек по более мелким, но серьезно вооруженным роботам. Те были выкрашены черной матовой краской и временами, как показалось Головину, вовсе исчезали из видимого спектра, пробегая по десятку метров в состоянии полной невидимости.

В момент, когда эпицентр схватки сместился, Головин вскочил и помчался в сторону замеченного им пролома.

Он удачно избежал рваных краев пробоины, когда вслед ему хлестнула очередь автоматической пушки, однако Головину достались только искры и капли расплавленной теплоизоляции. Он ощутил лишь несколько укулов, где искры прожгли одежду.

Во дворе промышленной зоны тоже стреляли, но пока слабо, поэтому Головину удалось быстро добраться до сорванных с петель ворот, за которыми, всего в какой-то сотне метров, начиналось многорядное шоссе.

Припадая на левую ногу, ранения которой он сгоряча не заметил, Головин побежал к дороге, громко крича и размахивая руками.

Он надеялся привлечь внимание, но одни водители смотрели только на дорогу, другие, отдав управление автопилоту, были погружены в просмотр деловых бумаг или новостей.

Шоссе было перегружено и никого не интересовали бегающие вдоль дороги сумасшедшие.

Вдруг, подняв облако пыли на обочине резко затормозил синий внедорожник и Головин с разбегу юркнул в приоткрытую дверь.

– Вы?! – поразился он, когда машина тронулась.

– Вот так встреча! Ни за что бы не подумала, что увижу тебя без костюма и твоей блистательной купе-капсулы. Что ты здесь делал?

– Я... Меня похитили...

– Кто!? – поразилась Анна и от удивления бросила руль, но надежная электроника тотчас подхватила управление.

– Я не знаю. Какие-то бандиты. Но у них там, – он указал себе за спину, – целая база.

В этот момент, над транспортным потоком пронеслась вереница тяжелых полицейских дронов. Головин успел заметить, блеснувшие воронением пушечные стволы и хищный прищур прицельных датчиков.

– Эх и накатят им сейчас! – заметила Анна и хохотнула.

– Кому им? – уточнил Головин.

– Ну, тем... – она замялась. – Тем, к кому такая сила выдвинулась. Так что с тобой случилось?

– Я же сказал – похитили.

– А чего хотели?

– А вам зачем?

– Женское любопытство.

– А вы куда ехали, когда меня тут подобрали? – перешел в контратаку Головин. Появление здесь Анны показалось ему неслучайным. С самого первого их знакомства ему, в ее поведении, виделась какая-то недосказанность.

21

Минут десять они молчали. Головин прикидывал, где попросить его высадить, а Анна делая вид, что обиделась на недоверие просквозившее в его вопросе, молча ожидала, когда он осознает недопустимость такого тона и первым пойдет на примирение.

Ни она, ни ее куратор не успели предусмотреть варианта, когда Головин потребует от нее ответить – как она оказалась в этом месте и куда ехала.

Мало того, что куратор вел себя, как рабовладелец, мало того, что навязанный ей Риддер, даже не выходил из ее спальни, когда она переодевалась, а только отворачивался, мотивируя это тем, что «он здесь не для этого», так еще какой-то бутербродный курьер устраивает ей допрос в ее собственной машине.

Хотя, конечно, такой вопрос Головина Молдеру следовало бы предусмотреть, раз уж он претендовал на право называться куратором.

«Нужно выложить ему это на ближайшей встрече. Эдак с эмоциями, с нажимом, чтобы почувствовал свою настоящую цену, ублюдок», – подумала Анна, и даже испытала какую-то благодарность Головину за то, что дал повод для такой мести.

И еще об этом Марке. На инструктаже Анна спросила, где гарантия, что этот парень выберется живым из крепости, которую собираются атаковать. А Молдер ответил, что если тот владеет кубитным виденьем, то обязательно выберется.

Тогда Анна спросила – а вдруг он недостаточно владеет этим самым виденьем? А куратор ответил, что если оно у него имеется даже в эпизодической форме, оно все равно выведет его в подсознательном режиме.

– Пожалуйста, высадите меня вон там, у станции «магнитки».

– Да ладно, не будем вести себя, как уроды, Марк. Я довезу вас до вашей улицы, а там высажу где-нибудь возле ресторана «Болтинс» или возле магазина «Конт-шуз».

– А почему тогда не возле дома?

– Там везде камеры, а ребята моего мужа регулярно вскрывают полицейские видеоархивы. Придется рассказывать отчего и почему. А мне этого и так хватает.

– Извините.

– Ничего. Вот, кстати, подходящий поворот – через пять минут будем в центре города, – пообещала Анна, сворачивая на свободную платную магистраль, по которой, дав двигателю полную тягу, она отпустила руль позволяя автоматизированной системе самой контролировать, несущуюся словно болид, машину.

– Ух ты! Вот это скорость! Мне даже страшновато! – признался Головин хватаясь руками за основание сиденья.

– Вы никогда не катались по «манирууд-систем»?

– А когда мне кататься? Ух! Прямо дух захватывает! Автомобиля у меня нет, а наши доставочные капсулы обходятся радиальными магистралями и тайными архивами дворовых проездов. Я еще ни разу нигде не опаздывал несмотря на крайний дефицит графика в некоторых случаях.

– Ездить дворами запрещено городскими законами.

– Возможно, но это не мое дело. Пока не доехали до клиента, я – пассажир.

– Чего там было-то за забором?

– За забором? Безобразия какие-то. Меня сначала похитили, потом пытались допрашивать. А когда началась стрельба, я сбежал.

– Ужас какой! В полицию пойдешь?

– Так там уже теперь есть и полиция, вы же видели, как туда эти летающие монстры неслись. Небось уже всех арестовали, – ответил Головин, придерживая информацию и не собираясь выкладывать все о чем догадывался.

– Но они могут повторить похищение, разве нет?

– Я доложу начальству и главе службы безопасности. Пусть они думают.

– Разумно, – кивнула Анна. – Вон, кстати, впереди съезд на радиальное шоссе. Сейчас будем тормозить, приготовьтесь.

Не успел Головин спросить, как именно он должен подготовиться, когда за кормой машины послышались хлопки гравитационных капсул.

Пять или шесть хлопков и сразу результат – скорость, с более чем трех сотен, снизилась до пятидесяти на которых они вписались в поворот и спустились по винтовой дороге на теплую поверхность радиального шоссе.

– Ничего себе! Я не знал, что у вас гравитационные тормоза! Это же безумно дорого!

– Безумно! – согласилась Анна и засмеялась.

– Хотя, при ваших доходах – да, это совсем другие возможности.

По шоссе они поехали уже немного за сто километров в час, однако неожиданно, последовало несколько ударов в стекло, от чего на бронепластике остались пятна деформационного помутнения.

– Что это? – удивился Головин.

– Это временно. Сейчас структура стекла восстановится и снова станет прозрачной.

– Я не про это. Что ударило в стекло?

– Алмазные жуки.

– Насекомые, что ли? – уточнил Головин сморщившись и принялся осматриваться, словно боясь увидеть жуков прямо в машине.

– Э, да вы инсектофоб! – догадалась Анна и засмеялась.

– Чего?

– Вы боитесь насекомых, Марк?

– Я их раньше даже не видел, мы жили в промышленных районах, где и деревья то уже не росли.

– Не бойтесь алмазных жуков, они совершенно безобидны, а те что попадают иногда, это те особи на которых не сработало генетическое оружие.

– Что за оружие такое?

– Когда строили этот город, никто не знала о семилетнем периоде миграции гигантских масс алмазных жуков. И когда этот ужас случился, город уже располагал тремя тысячами зданий.

– И что было?

– А было следующее, летевший над землей плотный поток из миллиардов насекомых, словно пилой, перетирал здания и они заваливались, а те что оставались стоять, лишались углов, крыш, балконов. Жуки имеют большую массу и двигаясь в плотном строю, являются неустойчивой разрушительной стихией.

– И как все разрешилось? – спросил Головин, которого настолько заинтересовала эта история, что он перестал ощущать жжение в царапинах полученных в недавних приключениях.

– Решалось по-разному, но яды не помогали, жуки быстро к ним приспособивались. Помогла коррекция в генетическом коде и тогда удалось навязать жукам другой маршрут миграции. Теперь он идет по пустынным каньонам в сорока километров восточнее города. А те, в ком восстанавливается прежняя генетическая информация, по-прежнему летят через наш город.

– Вот почему у вас такие прочные автомобильные стекла! – догадался Головин. – А я думал, что из-за гангстеров!

– За следующим поворотом я вас высаживаю.

– Отлично. Оттуда всего триста метров до моего дома, – сказал Головин и принялся рассматривать прохожих, одновременно раздумывая над тем, как на его теперешней жизни отразится это похищение.

Плохо, если все изменится в тот период, когда он стал понемногу привыкать к этому городу, к его центральному, такому уютному району, с разными достопримечательностями, вроде художественной академии, в которой учились, почти одни девушки.

Головин несколько раз проносился мимо на доставочной капсуле и любовался студентками, собиравшимися стайками на ступенях академии.

Финансовый комфорт, опять же. Он успел привыкнуть к тому, что можно не думать о том, где перехватить пару монет до конца недели, или сделать заказ в ресторане не заглядывая в меню с ценами, а лишь обрисовать официанту или сервис-машине свои пожелания.

– О чем задумались, Марк? – спросила Анна. – Вы выглядите грустным.

Головин не ответил. Он впервые в полной мере ощутил свое одиночество. Вспомнил все приключения, которые выпали ему за последние пару лет и чуть не расплакался, так ему себя стало жалко.

А еще ему захотелось оказаться в детстве, когда он был ребенком и мог попросить защиты и поддержки у родителей.

Машина остановилась и Головин, кивком поблагодарив Анну, стал выбираться на тротуар. Говорить он опасался, боясь что голос дрогнет, а это некрасиво.

Анна посмотрела на экран панорамы заднего вида. Серый фургон, державшийся до этого в сотне метров, приближался.

Она пропустила его и когда тот проезжал мимо, сидевший рядом с водителем пассажир бросил на Анну короткий взгляд. Это было ее куратор Молдер. Операция считалась важной, поэтому он лично контролировал ее «в поле».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.